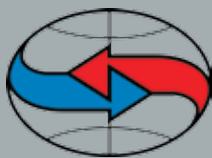

ISSN 2311-6412

Институт стран СНГ

НАУЧНО-АНАЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

**ПОСТСОВЕТСКИЙ
МАТЕРИК**

№ 3(19)

Москва

2018

Институт стран СНГ

НАУЧНО-АНАЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

ПОСТСОВЕТСКИЙ МАТЕРИК

№ 3(19)

Москва

2018

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Главный редактор – К.Ф. Затулин,
руководитель Института стран СНГ (Института диаспоры и интеграции)

Зам. главного редактора – В.Г. Егоров, *доктор исторических наук,*
доктор экономических наук, профессор

Шеф-редактор – С.Я. Лавренов, *доктор политических наук*

Редактор – О.В. Савина

Корректор – С.Ю. Иванченко

Дизайн-верстка – Т.С. Каракозова

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Байбаков С.А., *доктор исторических наук, профессор МГУ им. М.В. Ломоносова*

Игнатъев В.В., *Министр иностранных дел ПМР*

Конотопов М.В., *доктор экономических наук, профессор,*
заслуженный деятель науки РФ

Кузнецова О.Д., *доктор экономических наук, профессор,*
профессор кафедры истории экономических наук Факультета бизнеса
и делового администрирования Российской экономической академии им. Г.В. Плеханова

Майорова Е.И., *доктор юридических наук, профессор*

Мамонтов В.К., *президент Издательского дома «Известия»*

Манойло А.В., *доктор политических наук, профессор,*
заместитель декана факультета политологии МГУ им. Ломоносова

Мигранян А.М., *профессор кафедры политологии МГИМО (У) МИД России,*
кандидат исторических наук, вице-президент фонда «Реформа»,
академик Академии политических наук РФ

Маркаров А.А., *доктор политических наук, профессор,*
заместитель проректора по научной политике и международному сотрудничеству
Ереванского государственного университета

Рецензирование всех присланных материалов осуществляется в установленном редакцией порядке. Редакция оставляет за собой право отбора статей для публикаций.

Перепечатка материалов, опубликованных в журнале, допускается только с письменного разрешения редакции.

Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов.

СОДЕРЖАНИЕ

ПОЛИТОЛОГИЯ	5
Ю. БАЖЕНОВ, В. ТЭЙФ. 10 ЛЕТ ЮЖНО-КАВКАЗСКОЙ ЖЕЛЕЗНОЙ ДОРОГЕ: НЕКОТОРЫЕ ИТОГИ	5
А. АКимоВА. МЕЖДУНАРОДНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО В СФЕРЕ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ	11
К. БОРГАРЕЛЛО. ЕВРАЗИЙСКОЕ ПРОСТРАНСТВО: ПРОБЛЕМА ОПРЕДЕЛЕНИЯ	15
ЭКОНОМИКА	24
В. ЕГОРОВ, Н. ВОЗОВА. АКТУАЛИЗАЦИЯ ПРОТЕКЦИОНИЗМА В СОВРЕМЕННОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ И ПРАКТИКЕ	24
Р. ДЗАРАСОВ. ИНТЕГРАЦИЯ В ЕВРАЗИИ, МИРОВОЙ КАПИТАЛИЗМ И РОССИЙСКИЕ ИНТЕРЕСЫ	37
Б. ХЕЙФЕЦ. ГЛОБАЛЬНЫЕ ПАРТНЕРСТВА И ТРАНСРЕГИОНАЛИЗАЦИЯ «БОЛЬШОЙ ЕВРАЗИИ»	47
Д. ПАХОЛКИН. ПРЕИМУЩЕСТВА И НЕДОСТАТКИ «ВОСТОЧНОГО ПАРТНЕРСТВА» ЕС В ИНТЕГРАЦИОННОЙ КОНКУРЕНЦИИ НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ	57
Г. ПАНОВА. ФИНАНСОВАЯ ИНТЕГРАЦИЯ СТРАН ЕАЭС – ШОС	71
ИСТОРИЯ	84
Д. МАЙБОРОДА. ВОССОЕДИНЕНИЕ КРЫМА И РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ПРИЧИНЫ И ФАКТОРЫ	84
ПРАВИЛА ПРЕДСТАВЛЕНИЯ СТАТЕЙ В ЖУРНАЛ «ПОСТСОВЕТСКИЙ МАТЕРИК»	95

CONTENT

POLITICAL SCIENCE	5
YU. BAZHENOV, V. TAIF. 10 YEARS TO THE SOUTH CAUCASUS RAILWAY: SOME RESULTS	5
A. AKIMOVA. INTERNATIONAL COOPERATION IN THE SPHERE OF INTELLECTUAL PROPERTY	11
K. BORGARELLO. EURASIAN SPACE: THE PROBLEM OF DEFINITION	15
ECONOMY	24
V. EGOROV, N. VOZOV. ACTUALIZATION OF PROTECTIONISM IN THE CURRENT ECONOMIC THEORY AND PRACTICE	24
R. DZARASOV. INTEGRATION IN EURASIA, WORLD CAPITALISM AND RUSSIAN INTERESTS	37
B. KHEYFETS. GLOBAL PARTNERSHIP AND TRANSREGIONALIZATION «GREATER EURASIA»	47
D. PAKHOLKIN. THE ADVANTAGES AND SETBACKS OF THE EU EASTERN PARTNERSHIP PROGRAMME IN COMPETITION IN THE POST-SOVIET SPACE	58
G. PANOVA. FINANCIAL INTEGRATION OF THE COUNTRIES OF EAEC – SCO	71
HISTORY	84
D. MAYBORODA. THE RECONCILIATION OF CRIMEA AND THE RUSSIAN FEDERATION: CAUSES AND FACTORS	84
TERMS OF SUBMITTING ARTICLES TO THE MAGAZINE “THE POST-SOVIET MAINLAND”	95

УДК 656.2

Ю. БАЖЕНОВ,

кандидат географических наук,
доцент кафедры
международных отношений
и геополитики транспорта
Российского университета транспорта
(МИИТ)

YU. BAZHENOV,

Candidate of Geographical Sciences,
Associate Professor of the Department
of International Relations
and geopolitics of transport
Russian University of Transport
(MIIT)

В. ТЭЙФ,

эксперт
Российского университета транспорта
(МИИТ)
e-mail: eldorado3@mail.ru

V. TAIF,

Expert
of the Russian University of Transport
(MIIT)

Ключевые слова:

Южно-Кавказская железная дорога,
РЖД, пассажирские перевозки,
транспортное сообщение, Армения

Keywords:

South Caucasus Railway, Russian Railways,
passenger transport, transport,
Armenia

10 ЛЕТ ЮЖНО-КАВКАЗСКОЙ ЖЕЛЕЗНОЙ ДОРОГЕ: НЕКОТОРЫЕ ИТОГИ

В статье подведены итоги функционирования Южно-Кавказской железной дороги за последнее десятилетие. Авторы уделяют особое внимание процессу ее технической модернизации и развитию сферы пассажирских перевозок.

10 YEARS TO THE SOUTH CAUCASUS RAILWAY: SOME RESULTS

The article sums up the results of the functioning of the South Caucasian railway in the last decade. The authors pay special attention to the process of its technical modernization and development of the sphere of passenger transportation.

После распада СССР существовавшая в системе Министерства путей сообщения Закавказская железная дорога была разделена на Азербайджанскую, Армянскую и Грузинскую железные дороги. Подразделения Закавказской железной дороги, расположенные на территории соответствующих республик, были переподчинены возникшим железнодорожным администрациям новообразованных государств.

Конечно, межнациональные конфликты, уже разгорающиеся в то время в регионе, в полной мере отразились и на работе железных дорог. Так, железнодорожные подразделения на территории Абхазии отказались подчиняться грузинской администрации и образовали собственную Абхазскую железную дорогу. Фактически с конца 1989 г. не существовало железнодорожного сообщения между Арменией и Азербайджаном. На Армянской железной дороге была закрыта пограничная станция Ахурян на границе с Турцией. К самой же Армянской железной дороге отошли линии, расположенные на территории этой республики, охватывающие 9 из 10 марзов (областей страны).

Железная дорога в жизни Армении всегда играла крайне важную роль. Для государства, не имеющего прямого выхода к морю, большая часть территории которого расположена в горах на высоте 1800 м над уровнем моря, именно железнодорожный транспорт стал спасением. Он обеспечил надежную транспортную связь, которая способствовала экономическому и социальному развитию Армении.

В 1857 г. наместник Кавказа князь А.И. Барятинский представил императору Александру II доклад, где обосновывал необходимость строительства железной дороги в Закавказье. Эти планы были одобрены императором четыре года спустя.

Участок Поти – Тифлис был построен в 1872 г. После победоносной Русско-турецкой войны 1877–1878 гг., когда к России отошли Карс и Батуми, встал вопрос о транспортном соединении этих пунктов с Россией. Был утвержден вариант железной дороги Тифлис – Карс через Алаверди – Караклис – Амамлу (Спитак) – Джанджур – Александрополь (Гюмри).

Первый поезд прибыл в Гюмри (Александрополь) из Тифлиса в феврале 1899 г. Так началось железнодорожное сообщение на территории Армении, которое за прошедшие более ста лет сыграло огромную роль в экономическом и социальном развитии страны.

В июне 2007 г. было объявлено о конкурсе на концессионное управление сетью железных дорог Армении. Данное нововведение было проведено Министерством транспорта и связи Республики Армения и предполагало передачу управленческих полномочий сроком на 30 лет с последующим продлением еще на 10 лет после первых 20 лет регулирования.

Победитель стал известен 16 января 2008 г., им ожидаемо для многих стало ОАО «РЖД». 7 февраля 2008 г. правительством Республики Армения был одобрен проект договора о концессионном управлении. 13 февраля 2008 г. в Ереване был подписан Концессион-

ный договор о передаче государственного ЗАО «Армянская железная дорога» в управление ЗАО «Южно-Кавказская железная дорога», являющееся 100%-й дочерней компанией ОАО «Российские железные дороги».

Миссией новообразованной компании являлось и остается актуальным развитие общенациональной транспортной компании, динамично развивающей эффективность и качество услуг с помощью определенных стратегических целей. Среди них компания выделяет:

- повышение долгосрочной эффективности и финансовой устойчивости;
- повышение качества услуг;
- увеличение мощности транспортного производства на территории Республики Армения;
- интеграцию в европейско-азиатскую транспортно-логистическую систему.

Концессионный управляющий железной дороги Армении – ЮКЖД. Компания взяла на себя обязательства инвестирования в совершенствование и модернизацию железнодорожной системы Армении в 2008–2038 гг. 174,5 млрд драм. С 2008 по 2015 гг. размер инвестиций составил 104,6 млрд драм (более 250 млн долл.), 77,6 млрд из них было потрачено на модернизацию инфраструктуры и транспортной системы, а 26,9 млрд – на обновление подвижного состава. В частности, было приобретено 60 вагонов МВПС, 10 тепловозов ЧМЭ-3, 8 электровозов ВЛ-10, отремонтировано 700 грузовых и 27 пассажирских вагонов.

Также практически с нуля были построены, а позже введены в эксплу-

атацию три основных железнодорожных моста, которые заменили старые мосты образца 1898 г.: старейший в Армении Заманлинский мост, мост Сатани камурж и мост на перегоне Кобер – Туманян.

Был проведен ремонт путей протяженностью 437,5 км, также были внесены коррективы в 70 стрелочных переводов, 52 переезда, 40 мостов, заменено более 776,9 тыс. шпал. Модернизация базы путевой машинной станции и механизированной дистанции пути в Санаине была окончательно завершена, произведен ремонт 326,6 км контактной сети и 48 подстанций, линий электроснабжения протяженностью 207,6 км, восстановлена электрическая централизация на 6 станциях и полуавтоматическая блокировка на 14 перегонах (227 км), также была проведена реконструкция зданий основных вокзалов Еревана, Ванадзора и Гюмри.

Среди множества крупных инфраструктурных проектов, которые были осуществлены Южно-Кавказской железной дорогой, можно отметить также реконструкцию локомотивного и вагоноремонтного депо в городе Гюмри. В настоящее время создаются новые участки по ремонту колесных пар, электрических двигателей и испытанию воздушных резервуаров, детальное усовершенствование предстоит существующим производственным участкам.

Депо оснащены новым оборудованием, которое позволяет применять современные технологические методы для обслуживания и ремонта парка вагонов, за счет чего повышается

качество работ, эксплуатационные издержки снижаются до минимума.

Налажен ремонт электровозов и тепловозов на территории Армении. 25 декабря 2014 г. в Гюмрийском локомотивном депо состоялась торжественная церемония ввода в эксплуатацию первого электровоза, прошедшего ремонт в объеме ТР-3 на территории Армении за последние 25 лет. В 2015 г. был сдан первый тепловоз, прошедший ремонт в Ереванском вагонно-локомотивном депо.

ЗАО «ЮКЖД» уделяет особое внимание развитию сферы пассажирских перевозок, благоприятно влияя на реализацию конституционного права граждан на свободу передвижения, несмотря на отсутствие сообщения с некоторыми из соседних стран. Компания организует курсирование двух международных поездов: Ереван – Тбилиси – Ереван (с октября по июнь) и Ереван – Батуми – Ереван (с июня по октябрь), обладающих категорией фирменного поезда.

Улучшение состояния железнодорожной инфраструктуры ЮКЖД повлияло на сокращение времени следования популярного у населения фирменного поезда «Армения» маршрутом Ереван – Батуми на 6 часов.

Вагоны фирменного поезда оборудованы кондиционерами, полностью соответствуют техническим, санитарным нормам и требованиям безопасности. Поезд по всему маршруту сопровождают сотрудники полиции, так что пассажиры могут чувствовать себя полностью защищенными. В купе повышенной комфортности предоставляется бесплатная связь Wi-Fi.

По сравнению с 2008 г. в 2015 г. число пассажиров, перевезенных поездом, возросло с 8,6 тыс. до 34 тыс. человек.

Проведена большая работа по привлечению пассажиров, в частности, в международном сообщении. Была использована, а позже внедрена автоматизированная система продажи билетов на международные поезда «Орион», благодаря которой время оформления одного билета было сокращено с 10 до 2 минут. Это позволило избежать очередей в билетных кассах, увеличив продажи билетов на треть. Летом 2012 г. была внедрена система интернет-продажи билетов на международные поезда, которая приобретает все большую популярность. Также в настоящее время посредством установленных на вокзале Еревана терминалов осуществляется продажа билетов на пассажирские поезда ОАО «РЖД».

В 2008 г. был создан Дорожный центр фирменного транспортного обслуживания (ДЦФТО), основная задача которого – организация работы с клиентами и получение выручки от грузовых перевозок. В 2011 г., когда стало известно об увеличении потребности клиентов в более качественном сервисе, в составе ДЦФТО был образован Центр транспортных услуг (ЦТУ). Целью данной структуры является предоставление услуг по идее «одного окна», в том числе и перевозок «от двери к двери». Этим действием ЗАО «ЮКЖД» сделал несколько шагов вперед посредством повышения качества обслуживания, расширения спектра транспортно-логистических услуг, усовершенствования клиен-

тоориентированности. На данный момент весь процесс перевозки груза максимально упрощен.

Совместно с Министерством транспорта и связи Армении ведутся активные работы по использованию транзитного потенциала страны для грузовых и контейнерных перевозок по маршруту Иран – Европа и в обратном направлении через терминал на железнодорожной станции Ерасх. Существующая инфраструктура ЮКЖД позволяет эффективно использовать эту возможность для активизации перевозок грузов в данном направлении. Проводимая компанией политика по модернизации инфраструктуры положительно сказалась на эффективности эксплуатационной работы железной дороги. Так, транзитное время доставки груза сокращено более чем в 2 раза, время простоя под одной грузовой операцией – в 3 раза, средний вес поезда увеличился более чем на треть.

С 2009 г. компания реализует совместный с Грузией проект ускоренного контейнерного поезда из порта Поти – Ереван, который прибывает на станцию Кармир Блур. Изначально казавшийся малоперспективным из-за достаточно острой конкуренции с автотранспортом проект принес большие результаты. Благодаря сквозной тарифной ставке, четкому графику курсирования не меньше двух раз в неделю и сокращению времени транзита до 30 часов объем контейнерных перевозок ЮКЖД удвоился.

Особое внимание компания уделяет вопросам безопасности на железной дороге, в первую очередь осуществляя работу по контролю за качеством

ремонта инфраструктуры. Принимаемые меры уже дают ощутимый результат – существенно сократилось число сходов вагонов на ЮКЖД: если в 2008 г. было зарегистрировано 97 подобных случаев, то в 2015 г. – ни одного, а балловая оценка пути снижена до 87 ед., при том что в 2008 г. все километры железной дороги имели неудовлетворительную оценку.

Результаты 2017 г. зафиксировали рост грузовых перевозок. Объем по всем видам сообщений, включая экспорт, импорт и местное, составил 2,639 млн т. Показатели превысили аналогичные данные 2016 г. на 29 тыс. т. Даже несмотря на то, что объем 2017 г. выше показателей 2016 г. всего на 1%, тенденция роста с 2015 г. позволяет с уверенностью прогнозировать успешное будущее проекта. В 2017 г. хороший рост по отношению к показателям прошлого года был зафиксирован по таким видам перевозок результатов промышленности, как медный концентрат в экспортном сообщении на 18,5%, нефтеналивные грузы в импортном сообщении на 20%, цемент на 37%.

Однако история Южно-Кавказской железной дороги не обходилась без проблем. Так, в 2016 г. власти Армении выразили претензии российским инвесторам из-за неправомерного, по мнению армянской стороны, повышения тарифов. Председатель Госкомиссии по защите экономической конкуренции Армении (ГКЗЭК) А. Шаболян подверг критике деятельность ЗАО «ЮКЖД». Он рассказал, что основой давления на российских инвесторов стали жалобы, тщательно изученные

ГКЗЭК, на повышение тарифа на транспортировку нефтепродуктов на 16% с апреля 2016 г. По мнению комиссии, доминирующее положение Российской Федерации на рынке повлияло на изменение тарифов.

Российская сторона обосновывала подъем тарифов убыточностью по итогам 2015 г. в размере 9,3 млрд драм (19,1 млн долл.). Армянская же сторона, напротив, утверждала, что анализ убытка показал, что он был накоплен в большей мере из-за реализации инвестиционной программы, согласно которой около 92 млрд драм (188,7 млн долл.), запланированных в рамках концессионной программы, не дали необходимой отдачи. ГКЗЭК передала материалы Федеральной антимонопольной службе России.

Так или иначе, концессия железнодорожной сети Армении является для ОАО «РЖД» в значительной степени политическим проектом. В подобной ситуации слишком велика цена ошибки, в том числе регуляторной, при том, что компания сформировала мнение о себе как о надежном стратегическом инвесторе, и резкие тарифные изменения смотрелись несколько необоснованными. Достаточно распространенной является ситуация,

когда любое резкое повышение тарифов, инициатором которого является иностранный хозяйствующий субъект, воспринимается общественностью страны как давление на суверенитет и независимость. Далее информацию подхватывают и раздувают в выгодном для себя направлении оппозиционные СМИ, что в итоге может привести к негативным политическим последствиям. Именно такая ситуация только в сфере энергетических тарифов привела к массовым выступлениям в Ереване и других городах. Данные факты следовало бы принимать во внимание, принимая решения о повышении тарифов.

Так или иначе, несмотря ни на какие политические или экономические разногласия и противоречия, ЗАО «ЮКЖД» продолжает работу в Армении. На данный момент перед железной дорогой стоит множество задач: обеспечение безопасности движения поездов, совершенствование работы по привлечению на железную дорогу новых объемов перевозок грузов, обеспечение комфорта и безопасности пассажиров, сбалансирование доходных и расходных статей бюджета, выполнение программ ресурсосбережения и оптимального использования трудовых ресурсов.

А. АКИМОВА,
аспирант МГОУ

A. AKIMOVA,
graduate student of MGOU

Ключевые слова:
интеллектуальная собственность,
защита прав, законодательство,
международное право,
нормативно-правовые акты

Keywords:
intellectual property,
protection of rights, legislation,
international law,
normative legal acts

МЕЖДУНАРОДНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО В СФЕРЕ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ

В статье рассмотрены основные международные нормативно-правовые акты сферы защиты прав интеллектуальной собственности. Определены особенности становления, развития и современного состояния международного права в сфере защиты прав интеллектуальной собственности.

INTERNATIONAL COOPERATION IN THE SPHERE OF INTELLECTUAL PROPERTY

In the article the main international normative-legal acts of the sphere of protection of intellectual property rights are considered. The specifics of the formation, development and current state of international law in the field of intellectual property rights protection are determined.

В каждой стране, которая стремится к процветанию и развитию, проблема защиты прав субъектов права интеллектуальной собственности является актуальной. Однако в России институт административной ответственности в сфере нарушения объектов права интеллектуальной собственности является достаточно новым, что вызывает необходимость анализа зарубежного

опыта. В частности, стоит рассмотреть особенности защиты прав интеллектуальной собственности в международном праве.

Необходимым условием для эффективного создания и использования объектов интеллектуальной собственности (ИС) является наличие международных систем правовой охраны интеллектуальной собственности.

Проблемы, связанные с исследованием значения международного сотрудничества стран в сфере ИС, исследовались отечественными и зарубежными учеными и были освещены в работах Г.А. Андрощук, С.А. Сударикова, П.Б. Меггс, В.А. Потехиной и др.

Однако эти ученые исследовали отдельные вопросы охраны и защиты объектов права интеллектуальной собственности, но не рассматривали вопросы, связанные с особенностями защиты прав интеллектуальной собственности в международном праве.

Цель статьи – анализ особенностей защиты интеллектуальной собственности в международном праве.

Сейчас развитие международной торговли требует создания глобальной системы охраны интеллектуальной собственности, что обуславливает процесс гармонизации мирового законодательства: страны заключают двусторонние и многосторонние договоры, присоединяются к международным соглашениям, таким образом постепенно приводя национальные режимы охраны в соответствие с мировыми стандартами [2].

Международная система охраны интеллектуальной собственности направлена на формирование единых подходов к обеспечению ее прав. Комплекс мероприятий по международному сотрудничеству координирует Всемирная организация интеллектуальной собственности (ВОИС), которая является одной из 16 специализированных организаций в системе ООН. ВОИС содействует развитию культуры интеллектуальной собственности, включает ИС в политику и

программы национального развития государств-членов, разрабатывает международные законы и нормы в области создания, использования, защиты, охраны и оборота интеллектуальной собственности, предоставляет услуги в рамках глобальных систем охраны в области ИС, способствует повышению эффективности процесса управления и вспомогательных процессов в ВОИС.

Наше государство является страной – участницей международных соглашений, которые обязывают обеспечить выполнение подписанных норм и создание действенного государственного аппарата защиты прав интеллектуальной собственности с особым вниманием к судебной системе. На данный момент ВОИС насчитывает 184 члена, в том числе и Россию. Штаб-квартира этой организации находится в городе Женеве (Швейцария).

На международном уровне также действуют региональные международные организации, задачами деятельности которых является обеспечение правовой защиты создания, использования, оборота объектов интеллектуальной собственности.

Европейская патентная организация (ЕПО) – межправительственная организация европейских государств, направленная на расширение их взаимного общения в сфере охраны изобретений, целью которой является предотвращение дублирования деятельности патентных служб разных стран, что обеспечивается выдачей европейского патента, т.е. имеет целью согласование национального патентного права с Конвенцией о вы-

даче европейских патентов. Структуру ЕПО составляют Европейское патентное ведомство, основной задачей которого является выдача европейских патентов, и Административный совет – орган, который определяет финансовую политику организации, контролирует деятельность и назначает руководителя.

Евразийская патентная организация имеет собственную патентно-информационную систему, обеспечивающую доступ к мировым, региональным и национальным фондам патентной документации. Информация о евразийских патентных поверенных содержится в соответствующем реестре патентного ведомства. Главная задача Евразийского патентного ведомства состоит в том, чтобы принимать заявки и выдавать евразийские патенты, действующие на территории государств – участников Евразийской патентной конвенции.

На Африканском континенте действуют две организации подобного направления деятельности – Африканская организация интеллектуальной собственности и Африканская региональная организация промышленной собственности. Африканская организация интеллектуальной собственности действует в рамках Соглашения АОИС, заключенного в 1977 г. В результате этого соглашения было создано единое патентное ведомство, расположенное в г. Яунде (Камерун). Принятое законодательство в сфере охраны промышленной собственности из многих положений близко к соответствующему законодательству Франции.

Африканская региональная организация промышленной собственности (АРОПС) создана в декабре 1976 г. на Дипломатической конференции англоязычных стран Африки в г. Лусака (Замбия). В странах – участницах АРОПС единое законодательство в сфере охраны ИС отсутствует, поэтому патент, выданный ведомством этой организации, получает статус национального только после специального одобрения его ведомством страны-участницы.

Глобальное регулирование в сфере интеллектуальной собственности происходит согласно соглашениям, принятым ВОИС. Они устанавливают обязательные для всех стран-участниц стандарты охраны ИС.

В последние годы наблюдается повышенный интерес со стороны правительств развивающихся стран к тому, чтобы сделать промышленную собственность эффективным инструментом промышленного развития.

Несмотря на существующие трудности, национальная система охраны интеллектуальной собственности в России уже давно создана и продолжает развиваться. Проводится постоянная работа по развитию международного сотрудничества в сфере охраны промышленной собственности. Россия является членом Всемирной организации интеллектуальной собственности и участником важных международных соглашений и договоров в этой сфере. Подписаны межгосударственные соглашения о сотрудничестве в сфере промышленной собственности с Белоруссией, Узбекистаном, Киргизией. Осуществляется обмен патентной информацией с 42 странами мира.

Список литературы

1. *Меггс П.Б.* Интеллектуальная собственность. М.: Юристъ, 2013. – 400 с.
[*Meggs P.B.* Intellektual'naya sobstvennost'. М.: YUrist, 2013. – 400 s.]
2. *Потехина В.А.* Интеллектуальная собственность: Учеб. пос. М.: ЮНИТИ, 2015. – 414 с.
[*Potekhina V.A.* Intellektual'naya sobstvennost': Ucheb. pos. A. М.: YUNITI, 2015. – 414 s.]
3. *Судариков С.А.* Право интеллектуальной собственности: учеб. М.: ТК Велби, Изд-во Проспект, 2014. – 368 с.
[*Sудариков S.A.* Pravo intellektual'noj sobstvennosti: ucheb. М.: ТК Velbi, Izd-vo Prospekt, 2014. – 368 s.]

К. БОРГАРЕЛЛО,

эксперт Российской академии
народного хозяйства
и государственной службы
при Президенте Российской Федерации,
бакалавр Туринского университета
(Италия)
e-mail: carlotta.borgarello@edu.unito.it

K. BORGARELLO,

expert of the Russian Academy
of National Economy
and civil service under the President
of the Russian Federation,
bachelor of Turin University
(Italy)

Ключевые слова:

Евразия, геополитика, евразийство,
география, Маккиндер

Keywords:

Eurasia, geopolitics, Eurasianism,
geography, Mackinder

ЕВРАЗИЙСКОЕ ПРОСТРАНСТВО: ПРОБЛЕМА ОПРЕДЕЛЕНИЯ

Статья освещает проблему определения так называемого Евразийского пространства. Термин «Евразия», появился, по существу, в географическом смысле, а затем был введен в качестве одной из основных геополитических концепций. На сегодняшний день этот термин снова становится чрезвычайно важным в международных дискурсах, и поэтому проблема его определения является весьма актуальной.

EURASIAN SPACE: THE PROBLEM OF DEFINITION

The article highlights the problem of defining the so-called Eurasian space. The term «Eurasia» appeared essentially geographically, and was then introduced as one of the main geopolitical concepts. To date, this term is again extremely important in international discourses, and therefore the problem of its definition becomes very relevant.

Как и в начале каждой работы, мы сталкиваемся с некоторыми понятиями, которым обязательно нужно дать четкое определение, чтобы понять смысл наших дискурсов. В этом случае определение термина является темой, к которой обращено внимание, в кон-

кретном аспекте интерес представляет определение конкретной области нашей планеты, известной как Евразийское пространство.

Четко определить Евразийское пространство достаточно трудно. Прежде всего потому, что невозможно найти

общепризнанное определение того, что мы должны понимать под этим словом [18]. Возникают вопросы: что считается Евразией? Какие страны включены в это пространство? Является ли Евразия только географическим термином без какого-либо суждения о ценности или это просто геополитическая концепция? Как мы уже подчеркивали, согласно опросам, это понятие используется специалистами разных областей, часто в географической и в геополитической сферах, оставляя это понятие без конкретного определения [16].

Даже если нет четкой информации об этом, название Евразия, по-видимому, появилось как географическое понятие. Оно использовалось для определения территории Европы и Азии, которая определялась как сумма двух крупных континентов [20]. Однако определение этой территории приобретает роль геостратегической концепции, известной в геополитических подходах и обычно определяемой в соответствии с внутренними геополитическими интересами каждой страны [17].

Географическое определение общеизвестно, однако можно констатировать по крайней мере три основных подхода, принятых в США в геополитическом смысле трактовки этого термина. Некоторые из этих подходов, например, в Соединенных Штатах, рассматривают Евразию просто как географический район Азии и Европы, чтобы описать «противоположный континент» к США [17]. Некоторые другие, например, большинство государств Европейского союза, в насто-

ящее время почти не принимают во внимание эту концепцию. Страны ЕС предпочитают использовать термин «Евразия» как отличие от Европы и Азии, особенно из-за отрицательного использования термина в нацистской Германии [19]. В то время как Россия исторически ставит целью определить себя в качестве имперской территории и как Евразию или, по крайней мере, как ядро Евразии. Россия часто использует идею евразийско-ортодоксальной цивилизации, чтобы создать собственную российскую идентичность. При этом учитывается тот факт, что русская цивилизация не принадлежала ни либеральной Европе, ни тому, что было империей Азии [13]. На самом деле концепция Евразии кажется действительно важной, особенно в российских дискурсах и американских теориях, хотя мы могли бы даже сказать, что за пределами России и Соединенных Штатов долгое время эта концепция почти не имела значения [17].

В настоящее время идея Евразии переживает новый пик актуальности внутри международного сообщества, особенно начиная с 2015 года – с момента создания Евразийского экономического союза [3].

Обращаясь к истории, попробуем понять, каково происхождение и эволюция рассматриваемого термина.

После первого краткого анализа мы уже могли утверждать, что термин «Евразия» приобрел некоторые существенные значения в истории, которые можно было бы классифицировать следующим образом. Прежде всего, этот термин появился как гео-

графический, и он имеет географическое измерение. Затем с рождением геополитики как дисциплины он приобрел геополитическое измерение, и, наконец, мы могли бы подтвердить,

что сегодня он также является новым экономическим и стратегическим понятием, что подчеркивается в стратегии Евразийского экономического союза.

Географическое измерение

Первое подтвержденное использование этого термина связано с работой немецкого географа К.Г. Реушля, который в 1859 г. предложил использовать термин «Евразия» для определения территории Азии и Европы [20].

С географической точки зрения границами Евразии считаются Атлантический океан на западе, Тихий океан на востоке, Арктический океан на севере и на юге Средиземное море, Африка и Индийский океан [15]. Фактически эти две части мира не только являются уникальным регионом, но также имеют некоторые сходные характеристики, что делает их евразийским континентом [23]. С географической точки зрения это является самым распространенным определением Евразии. С морфологической точки зрения, Европа и Азия являются уникальным континентальным блоком без реальной границы, отличающейся друг от друга. Однако эксперты рассматривают Урал как разделение между Европой и Азией и район Суэц как границу Евразии и Африки [7].

Даже если для определения евразийского пространства более распространено использование терминов Европа и Азия, разделение между ними кажется фактически менее адекватным для описания континента,

чем понятие Евразии. По сути, разделение этой земли, по-видимому, связано с исторической и культурной конструкцией, а не с географической, и в основном относится к различию цивилизаций внутри большого евразийского континента [7].

Если посмотреть на определение континента как «любого из основных континуальных пространств земли в мире» [12], то поймем, что географическая концепция Евразии более уместна и полностью соответствует этому определению. Но обычно мы не думаем о Евразии как о континенте. Причина этого недоразумения, на наш взгляд, заключается в неизбежном совпадении географии, геополитики, культурных конвенций и исторических норм каждой страны.

Принимая во внимание этот аспект, кажется интересным отметить, что географические концепции Европы, Азии и Евразии, которые, по-видимому, используются как нейтральные в современных политических дискурсах, на самом деле не являются таковыми.

Однако какой-либо международной конвенции о том, как мы должны рассматривать эту тему, нет. В основном каждая страна и каждый специалист рассматривают разделение континентов в соответствии с его культур-

ной и исторической точек зрения. И поскольку евразийский континент заселен людьми, происходящими из разных цивилизаций и различными

специфическими особенностями, представляется приемлемым рассмотреть некоторое дальнейшее разделение внутри него.

Геополитическое измерение

В период с XIX по XX вв. родилась новая дисциплина, известная как «Геополитика», которая изучается области политических наук. Даже если бы сейчас велись дебаты вокруг признания геополитики как науки, использование геополитической методологии рассуждений в разных научных областях, особенно в последние столетия, неоспоримо.

Термин «геополитика» впервые был использован в 1899 г. географами Р. Кьелленом и Фридрихом Ратцелем, отцом политической географии, для описания нового способа изучения взаимосвязи между международной системой и географическим территориальным измерением [15].

Даже если однозначного определения не существует, геополитика традиционно рассматривается как изучение влияния географических факторов на политическую ситуацию [10].

Этимология самого термина обозначает его как дисциплину, в рамках которой изучаются отношения, влияние географии на поведение, решения, восприятие и действия различных геополитических субъектов [16]. Что интересно для нашей работы, так это подчеркнуть, что присутствие географической концепции Евразии стало одним из самых влиятельных в этой дисциплине.

Первым, кто использовал термин «Евразия» в геополитической сфере,

был Х. Маккиндер в 1904 г., когда концепция начала формироваться из чистого географического положения в геополитическое [17].

Х. Маккиндер был британским политическим географом, известным, прежде всего, своей теорией Географического стержня истории, известной также как «Теория Хартленда». Он писал о преимуществах центрального позиционирования евразийской территории на суше [8]. Его геополитическая концепция исходит из идеи о том, что евразийский континент разделен на два лагеря: восходящий Евразийский Хартленд и подчиненные морские земли. Контроль над Хартлендом обозначает контроль стратегического региона мира [8].

Эта идея впервые была раскрыта Маккиндером в статье в Географическом журнале, где можно найти его полное определение Евразии или, как он писал, Евро-Азии. В статье он пишет, что «концепция Евро-Азии – это концепция сплошной земли» [8], так называемый мировой остров. Согласно его теории, «кто управляет Восточной Европой, управляет Хартлендом. Кто управляет Хартлендом, командует миром, и кто управляет миром, тот и командует миром» [9].

Долгое время в период Холодной войны теория Маккиндера была центральной в американской внешней

политике и влияла на так называемую «политику сдерживания» в отношении СССР, которая позиционировалась именно в самом важном регионе Евразии. На самом деле, интеллектуальное сообщество США понимало идеи Маккиндера в свете того, что власть, доминирующая в Евразии, потенциально может угрожать интересам Соединенных Штатов [17].

Во время Второй мировой войны теория Маккиндера отошла на второй план, поскольку она оказала явное влияние на внешнюю политику нацистской Германии. Немецкий геополитик К. Хаусхофер, который был действительно предан работам Маккиндера, начал писать о концепции Хартленда после первого конфликта, применительно к Германии, и теоретизировал идею того, что он назвал «жизненным пространством» (*Liebensraum*) для немецкого народа. Хаусхофер был назначен Гитлером для управления Немецкой академией в Берлине, и даже если в начале его идеи имели большой успех, после Второй мировой войны их стали считать чем-то негативным [17].

Во всяком случае, теория Хаусхофера, вероятно, больше влияла на американские стратегические исследования, чем на то, что они имели большое влияние на политику Германии. Эти идеи начали изучаться в интеллектуальном сообществе США и стали действительно актуальными для него [16].

Наиболее влиятельным американским геополитиком был профессор Йельского университета Н. Спайкмен. Он выступал против идеи центральной

роли Хартленда, называя главным местом Римланд – периферию евразийского континента [17]. В совершенно противоположном ключе он предположил, что тот, «кто контролирует Римленд, тот управляет Евразией, контролирует судьбу всего мира» [22].

В 1997 г. концепция Евразии была широко известна в трудах З. Бжезинского «Великая шахматная доска». Несмотря на то, что этот термин часто упоминается, нет четкого его определения. В любом случае, благодаря этой работе мы можем сделать вывод, что термин «Евразия» используется для описания континента, составляющего Европу и Азию.

Еще один автор, который способствовал созданию конкретной идеи Евразии – А. Дугин. В 1997 г. в своей работе «Основа геополитики» он теоретизировал создание Евразийской империи, выступающей против североатлантической, гегемонии США и либеральных ценностей. Фактически внутри определение Евразии часто, как представляется, связано с территорией самой России [4].

Эта точка зрения берет свое начало в России в начале 1921 г. с распространения мысли о «евразийстве» и становится популярной среди эмигрировавших интеллектуалов [4, С. 17]. Термин «Евразия» стал связан с некоторым понятием, далеким от чистой географии. На самом деле идея была основана на предполагаемой непримиримости России и Европы, в кризисе Европы и культурной гегемонии Азии. Представители этого движения исходили из разных слоев общества, лингвистов, теологов и раз-

ных ученых, таких как П. Трубецкой, Н. Савицкий, Г. Флоровский и многие другие [4, С. 23]. После Холодной войны многие российские интеллектуалы снова начали собираться вокруг идеи евразийства, согласно которой Евразийский Хартленд рассматривался в качестве стартовой площадки для глобального антизападного движения, целью которого было окончательное изгнание восточно-атлантического влияния из России [6]. Эти идеи схожи с теми, которые сегодня управляют современной российской геополитикой [4].

Даже если все теории, которые мы кратко описали, на протяжении многих лет подвергались нападкам со стороны многих интеллектуалов, они сохраняются в современной политологии. Мы можем сказать, что так называемый Всемирный остров —

Евразия — по-прежнему является центральным направлением в исследованиях геополитики. Особенно для Америки и России Хартленд по-прежнему остается самой влиятельной позицией на карте.

Как мы увидели, определение евразийского пространства в геополитике меняется на основе представления того государства, которое его рассматривает. И они действительно очень различаются. Иногда Евразия определяется как большой континент, иногда как специфическая географическая область, состоящая из некоторых государств или определенной цивилизации. Из-за некоторой путаницы в определении этого термина мы не можем дать ему четкое объяснение. Но можем утверждать, что сейчас Евразия выступает как территория, объединяющая Европу и Азию.

Экономическое измерение

Последнее измерение для понимания термина Евразия мы назвали экономическим. В этом смысле мы имеем в виду прежде всего Евразийский экономический союз, который является международной организацией региональной экономической интеграции. Договор о Евразийском экономическом союзе был подписан в 2015 г. и основывался на сотрудничестве между национальными экономикой и содействии стабильному развитию с целью повышения уровня жизни наций [2]. Организация, членами которой являются Армения, Белоруссия, Казахстан, Киргизия и Российская Федерация, обеспечивает

свободное перемещение товаров, услуг, капитала и рабочей силы, а также экономическое сотрудничество и координацию на разных уровнях [14].

Идея была вдохновлена интеграцией Европейского союза и впервые объявлена в октябре 2011 г. Президентом Российской Федерации В. Путиным, который представил раннюю идею Президента Казахстана Н. Назарбаева 1994 г. о подобном союзе [5].

По мнению ЕС, эта идея служила российским геополитическим интересам сохранения имперского влияния на постсоветском пространстве, однако она, по-видимому, обусловлена стремлением укрепить экономики

государств-членов и интегрировать их в новый всеобъемлющий экономический союз, который стал функциональной альтернативой членству в Европейском союзе [1].

Договор об ЕАЭС был подписан 29 мая 2014 г. в Астане и вступил в силу 1 января 2015 г. Союз стал реальностью и является первым подобным примером интеграции внутри постсоветского региона. Он также открыт для всего Евразийского континента, любое государство внутри него имеет возможность стать участником.

С момента создания ЕАЭС новых членов не появилось, тем не менее, несколько стран, такие как Иран, Израиль и Китай, выразили свои интересы в свободной торговле [11].

Интересно то, что здесь термин «Евразия» используется для определения этой новой попытки интеграции, придавая этому слово другое и новое звучание. Будущее организации и ее возможное влияние на определение термина «Евразия» до сих пор остаются неясными. По этой причине мы просто ограничимся здесь упоминанием этого явления.

Выводы

Как мы видим, термин «Евразия» определяет понятие действительно трудное для понимания. Когда мы его используем, мы должны, прежде всего, определить, что мы имеем в виду, и границы области, которую мы рассматриваем.

Если мы исследуем этот термин, чтобы лучше понять его, мы оказываемся перед длинной серией различных понятий, и возникает много вопросов: что такое Евразия? Какие страны входят в Евразию? Это регион, настоящий континент или простая концепция? Как мы можем это определить?

Простой ответ на все эти вопросы заключается в том, что существует общая путаница в использовании и смысле этого термина, и основной причиной этого является то, что в течение веков этот термин был создан, использован и изменен много раз и на разных уровнях реальности, не приводя к универсальному признанному определению.

Мы проанализировали, как концепция Евразии родилась как географический термин, используемый для определения территории между Европой и Азией, поэтому определяется как сумма двух континентов. В течение многих лет она приобрела статус геостратегической концепции, которая фактически определена каждой страной, следуя их внутренним геополитическим интересам. Евразия в одной из важнейших геополитических концепций хорошо иллюстрирует проблематичный характер геополитики, которая определяет идеи с точки зрения интересов разных стран.

Именно по этой причине, согласно нашему видению, почти невозможно дать однозначное определение концепции и действительно важно четко указать, что мы хотим подчеркнуть каждый раз, когда необходимо использовать эту специфическую терминологию.

Список литературы

1. *Драгнева Р., Вольчук К.* Евразийский экономический союз: предложения, правила и осуществление власти [Электронный ресурс]. URL: <https://www.chatmamhouse.org/publication/eurasian-economic-union-deals-rules-and-exercise-power>
1. *Dragneva R., Vol'chuk K.* Evrazijskij ehkonomicheskij soyuz: predlozheniya, pravila i osushchestvlenie vlasti [Электронный ресурс]. URL: <https://www.chatmamhouse.org/publication/eurasian-economic-union-deals-rules-and-exercise-power>
2. Евразийская экономическая интеграция: факты и цифры [Электронный ресурс]. URL: http://www.eurasiancommission.org/en/Documents/broshura26_ENGL_2014.pdf
2. Evrazijskaya ehkonomicheskaya integraciya: fakty i cifry [Электронный ресурс]. URL: http://www.eurasiancommission.org/en/Documents/broshura26_ENGL_2014.pdf
3. *Еремина Н.* Пришествие новой цивилизации: Евразия в США? // Журнал евразийских исследований Университета Ханьянг. 2016. С. 162–171.
3. *Eremina N.* Prishestvie novej civilizacii: Evraziya v SSHA? // Zhurnal evrazijskih issledovanij Universiteta Han'yang. 2016. S. 162–171.]
4. *Зевелев И.* Российская национальная идентичность и внешняя политика. Вашингтон: Центр стратегических и международных исследований, 2016. С.15.
4. *Zevelev I.* Rossijskaya nacional'naya identichnost' i vneshnyaya politika. Washington: Centr strategicheskikh i mezhdunarodnyh issledovanij, 2016. S.15.]
5. *Килнер Дж.* Казахстан приветствует концепцию Евразийского союза Путина [Электронный ресурс]. URL: <https://www.telegraph.co.uk/news/worldnews/asia/Kazakhstan/8808500/Kazakhstan-welcomes-Putins-Eurasian-Union-concept-html>
5. *Kilner Dzh.* Kazahstan privetstvuet koncepciyu Evrazijskogo soyuza Putina [Электронный ресурс]. URL: <https://www.telegraph.co.uk/news/worldnews/asia/Kazakhstan/8808500/Kazakhstan-welcomes-Putins-Eurasian-Union-concept-html>
6. *Кловер К.* Сны о сердце Евразии [Электронный ресурс]. URL: <https://www.google.it/amp/s/www.foreignaffairs.com/articles/asia/1999-03-01/dreams-Эразия-сердце-возрождение-геополитика%3famp>
6. *Klover K.* Sny o serdce Evrazii [Электронный ресурс]. URL: <https://www.google.it/amp/s/www.foreignaffairs.com/articles/asia/1999-03-01/dreams-Эразия-сердце-возрождение-геополитика%3famp>
7. *Коткин С.* Что такое Евразия и почему это имеет значение? [Электронный ресурс]. URL: https://youtu.be/_ghn1X7sRFs
7. *Kotkin S.* Shto takoe Evraziya i pochemu ehto imeet znachenie? [Электронный ресурс]. URL: https://youtu.be/_ghn1X7sRFs
8. *Маккиндер Х.* Географический стержень истории. Географический журнал. 1904.
8. *Makkinder H.* Geograficheskij sterzhen' istorii. Geograficheskij zhurnal. 1904.]
9. *Маккиндер Х.* Демократические идеалы и реальность. Нью-Йорк. 1962. С. 150.
9. *Makkinder H.* Demokraticheskie idealy i real'nost'. N'yu-Jork. 1962. S. 150.]

10. *Му斯卡ра Л.* Географический глоссарий Готтмана. [Электронный ресурс]. URL: http://www.academia.edu/16344947/Gottmanns_geographic_glossa

[*Muskara L.* Geograficheskiy glossarij Gottmana. [Электронный ресурс]. URL: http://www.academia.edu/16344947/Gottmanns_geographic_glossa]

11. Обновление ЕАЕУ: несколько стран выражают интересы свободной торговли [Электронный ресурс]. URL: <https://www.russia-briefing.com/news/eaeu-update-multiple-countries-express-free-trade-interest.html/>

[Obnovlenie EAEU: neskol'ko stran vyrazhayut interesy svobodnoj trgovli [Электронный ресурс]. URL: <https://www.russia-briefing.com/news/eaeu-update-multiple-countries-express-free-trade-interest.html/>]

12. Оксфордский словарь: определение континентов [Электронный ресурс]. URL: <https://en.oxforddictionaries.com/definition/continent>

[Oksfordskij slovar': opredelenie kontinentov [Электронный ресурс]. URL: <https://en.oxforddictionaries.com/definition/continent>]

13. *Хаунер М.* От Советского Союза до Центральной Евразии [Электронный ресурс]. URL: <https://eurasiacenter.org/archive/1990-1999/15%20Hauner.doc/>

[*Hauner M.* Ot Sovetskogo Soyuzo do Central'noj Evrazii [Электронный ресурс]. URL: <https://eurasiacenter.org/archive/1990-1999/15%20Hauner.doc/>]

14. EAEU: Eurasian Economic Union. Official Website. [Электронный ресурс]. URL: www.eaeunion.org/?lang=en#about

15. Enciclopedia Treccani «Eurasia on line» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.treccani.it/enciclopedia/eurasia/>

16. Eurasia: Rivista di Studi Geopolitici // La Geopolitica secondo l'Enciclopedia del Novecento [Электронный ресурс]. URL: <https://www.eurasia-rivista.com/la-geopolitica-secondo-l'enciclopedia-del-novecento/>

17. *Fettweis C.J.* Eurasia the World Island: Geopolitics and Policymaking in the 21st century [Электронный ресурс]. URL: <https://www.google.it/amp/s/www.globalresearch.ca/eurasia-the-world-island-geopolitics-and-policy-making-in-the-21st-century/2095/amp>

18. *Gleason A.* Eurasia: What is this? Brown University: Journal of Eurasia Studies. 2009. P. 27.

19. *Grygiel J.J.* Great Power and Geopolitical Change // Johns Hopkins University Press. 2006. P.7

20. *Reuschle K.G.* Handbuch der Geographie oder Neueste Erdbeschreibung mit besonderer Rücksicht auf Statistik, Topographie. Schweizebart. 1859.

21. *Reuschle K.G.* Handbuch der Geographie or Neueste Erdbeschreibung mit besonderer Rücksicht auf Statistik. Stuttgart: Schweizerbrother. 1859. P. 395.

22. *Spykman N.J.* Geography of the world. New York: Harcourt & Brace. 1944. P. 43.

23. *Wigen K.* Myth of the Continents: Criticism of Metaphysics. University of California Press. 1997. P. 125.

ЭКОНОМИКА

УДК 339

В. ЕГОРОВ,

доктор исторических наук,
доктор экономических наук, профессор,
первый заместитель директора
Института стран СНГ
e-mail: korrka@mail.ru

V. EGOROV,

doctor of historical sciences,
professor,
deputy director of the Institute of CIS

Н. ВОЗОВА,

аспирант РЭУ им. Г.В. Плеханова

N. VOZOVA,

post-graduate student of the Plekhanov
Russian University of Economics

Ключевые слова:

протекционизм,
международная торговля, пошлины,
энергоносители, торговая война

Keywords:

protectionism,
international trade, duties,
energy, trade war

АКТУАЛИЗАЦИЯ ПРОТЕКЦИОНИЗМА В СОВРЕМЕННОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ И ПРАКТИКЕ

В статье представлен новый взгляд на протекционизм, проявившийся в эпоху перехода глобальной экономической системы от традиционного к индустриальному состоянию и актуализировавшийся в современной экономической теории и практике. В сегодняшней реальности протекционизм обретает коннотации, обусловленные социально-экономической и политической эволюцией глобального миропорядка.

ACTUALIZATION OF PROTECTIONISM IN THE CURRENT ECONOMIC THEORY AND PRACTICE

The article presents a new view on protectionism, which appeared in the era of the transition of the global economic system from the traditional to the industrial state and was actualized in modern economic theory and practice. In today's reality, protectionism has acquired connotations due to the socio-economic and political evolution of the global world order.

Протекционизм, вызванный к жизни цивилизационным сдвигом от традиционного к индустриальному экономическому миропорядку, приобретает в наши дни новые коннотации. Справедливости ради следует заметить, что с момента становления этот феномен экономической политики и практики имел ряд сущностных черт, определивших его жизненность и динамику.

Во-первых, рождение протекционизма отражало две закономерные тенденции: реализация национальных интересов и глобализация рыночного хозяйства и два соответствующих направления государственной политики. Разновекторность, темпоральность, естественная и историческая обусловленность закономерно определили национально особенные черты суверенных хозяйственных систем и диалектически противоположные составляющие экономической политики государств, направленные на их поддержку.

Либеральный дискурс, предполагающий полное устранение государства из сферы регулирования экономических отношений и абсолютизацию фритредерства, на протяжении более чем двухвекового периода не утвердился в качестве безусловно релевантного и безальтернативного. Напротив, мировая практика свидетельствует о том, что проявления протекционизма составляют органическую черту экономического мейнстрима, как и глобализация.

Во-вторых, с момента утверждения в экономической теории и практике протекционизм не является «мертво-

рожденным дитя» и адекватно встраивается в актуальный экономический процесс. На первом этапе (вплоть до середины XVI в.) протекционизм имел целью поддержание денежного баланса и сохранение «запаса золота», на втором – обеспечение активного торгового баланса и рост товарного экспорта (что соответствовало задачам первоначального накопления капитала), а в период подготовки и реализации промышленного переворота – создание условий для национальных товаропроизводителей и рост индустрии.

Актуальный облик протекционизма определяется доминирующим трендом мирового социально-экономического процесса, придающим ему качество всеобщности. Глобализация как закономерное явление, обусловленное дематериализацией экономики и сопровождающаяся расширением масштабов диффузии национальных хозяйств, совпала с закономерной эволюцией мировой архитектуры капитализма, переживающего стадию явно затянувшегося финансового «ренессанса». Финансовый капитал, как полагал еще Р. Гильфердинг, стремится преодолеть национальные границы, рамки социальных и культурных идентичностей. В этих условиях протекционизм обретает содержание политики противодействия десуверенизации экономик и смысл механизма обеспечения национальной безопасности и конкурентных преимуществ.

Новая протекционистская реальность не только осознается мировым сообществом, но стала предметом рассмотрения и заявлений практиче-

ски всех международных структур и форумов. О «новых формах» протекционизма заявил президент России В.В. Путин. «Если прежде в ходу были классические формы протекционизма, — сказал он на Петербургском международном экономическом форуме, — что, конечно, тоже вызывало сожаление, но все-таки: такие как дополнительные импортные пошлины, технические требования или скрытые субсидии, то сегодня речь идет о новом издании протекционизма — об использовании очевидно надуманных предлогов, о ссылках якобы на интересы национальной безопасности. Для чего? Для подавления конкурентов или вымогательства уступок» [10].

Очевидно, что современное «издание» протекционизма имеет качественную новеллу, значительно отличающую его целеполагание от прежних эпох. Турбулентность существующей мир-системы, смена или модуляция центров мировой силы наполняет экономический смысл протекционизма политическими коннотациями. Политизация традиционного содержания протекционизма тем более набирает обороты, чем очевиднее становится попытка центра однополярного мира удержать свое доминирование.

Именно этот центр является законодателем еще одной актуальной черты протекционизма — комплекса мер государственной политики, направленного на реиндустриализацию.

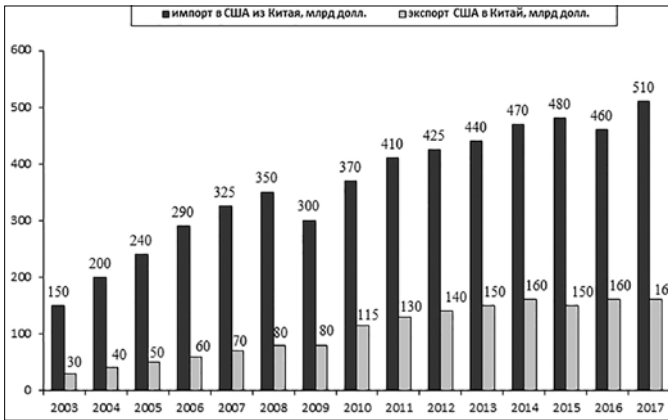
Теоретическая и практическая несостоятельность господствовавшего на протяжении многих десятилетий

утверждения о закономерности превращения экономики постмодерна в экономику услуг привела страны, придерживающиеся такой установки, к серьезным проблемам, ставящим под вопрос материальную состоятельность их лидерства.

Неслучайно инициатива актуального проявления протекционизма принадлежит государству, обладающему самым большим экономическим потенциалом. В американском стремлении регенерировать «новый» протекционизм сошлось несколько мотивационных трендов: желание сохранить статус политического и финансового гегемона, придать собственной экономике импульс ускоренного развития, не упустить лидерства в мировой конкуренции. Было несложно предвидеть, что важнейшим препятствием на пути реализации стратегии, вытекающей из этих соображений, станет Китай, экономический рост которого стал во многом возможным благодаря тем же мотивам поведения США, только в иной международной обстановке соперничества с другим безусловным центром силы — СССР.

В последние 15 лет пассив США в торговле с Китаем нарастал значительными темпами и в настоящее время исчисляется гигантской суммой, превышающей 300 млрд долл. (рис. 1).

Министерство торговли США опубликовало доклад, доказывающий нерыночный характер китайской экономики, что позволяет США вводить специальные пошлины на импорт китайских товаров [4].

Рис. 1. Товарооборот Китая и США (2003–2017 гг.) [17]

Проблему значительного дефицита¹ во внешней торговле с Китаем администрация Вашингтона планировала решить двумя направлениями давления на Пекин. Во-первых, через установление ввозных пошлин на китайские товары, во-вторых, путем навязывания закупок американского сжиженного природного газа. Свое видение перспектив торгово-экономических отношений с Китаем администрация Трампа изложила в меморандуме «О борьбе с экономической агрессией Китая», подписанным президентом США 22 марта 2018 г.

Первым шагом на пути реализации протекционистской политики США в отношении Пекина должны были стать меры ограничения импорта из этой страны, наносящие ущерб китайской стороне, исчисляемый 60 млрд долл. На Китай распространилось действие введенных США в отно-

шении всех стран, кроме Мексики и Канады, 25% пошлин на ввоз стали и 10% пошлин на ввоз алюминия.

Общий список Министерства торговли США, подлежащих обложению торговыми пошлинами товаров из Китая, включил 1,3 тыс. наименований, в том числе телекоммуникационное, аэрокосмическое, машиностроительное оборудование. «Мы не ведем торговую войну с Китаем, эта война была проиграна много лет назад глупыми или некомпетентными людьми, которые представляли США. Теперь мы имеем дефицит в 500 млрд долл. в год. А кража интеллектуальной собственности уносит еще 300 млрд. Мы не можем допустить, чтобы это продолжалось!» [12].

Первый раунд торговых переговоров между США и Китаем в Пекине закончился безрезультатно. Американская делегация даже заострила точки противоречий с Поднебесной.

¹ Некоторыми экспертами эта величина оценивается в 504 млрд долл.

В ответ на действия Вашингтона, касающиеся ограничения режима свободной торговли, Пекин опубликовал свой список товаров, импортируемых из США, на которые также планировалось ввести повышенные пошлины (список состоял из 128 наименований, на которые могли быть введены пошлины от 15 до 25%). В случае введения ответных мер ущерб США мог составить несоизмеримо меньшую величину — 3 млрд долл.

Попытка преодоления дефицита США в торговле с Китаем за счет закупки американского СПГ могла покрыть лишь 1/20 его часть. В свою очередь, монополизация Америкой поставок СПГ в Китай неизбежно нанесет ущерб ее союзникам — экспортерам сжиженного газа, Австралии и Катару [18], и будет иметь в качестве последствий дальнейшее разрастание масштабов торговых войн.

Протекционистские меры Вашингтона в отношении Пекина предполагалось реализовать также за счет мер сдерживания китайских инвестиций и ограничения доступа Китая к технологиям.

Представители администрации США полагают, что Пекин субсидирует свои компании для создания конкурентных преимуществ в разработке полупроводников, искусственного интеллекта и робототехники. Однако любая попытка Вашингтона ввести ограничительные санкции без обращения во Всемирную торговую организацию вызывает противодействие со стороны большинства мирового сообщества [8].

В соответствии с заявлениями американских властей об ограничении

доступа Китая к интеллектуальной собственности США одна из крупнейших китайских компаний, ZTE, лишилась до 13 марта 2025 г. права приобретать комплектующие у американских предприятий.

При этом доля американских компонентов в китайской радиоэлектронике составляет 30%. Ранее (2016 г.) компания ZTE попала в список с экспортными ограничениями по обвинению в перепродаже оборудования в Иран и Северную Корею. В марте 2017 г. компания в суде признала свою вину и заплатила 890 млн долл. штрафов.

Однако в 2018 г. дело ZTE было возобновлено. В феврале этого же года представители шести разведывательных организаций, в том числе ЦРУ, ФБР и АНБ, высказались за ограничения в адрес ZTE и Huawei. В отношении последней было высказано обвинение в шпионаже за гражданами США.

На первые шаги в торговой войне США и Китая фондовые рынки отреагировали в конце марта 2018 г. падением индекса Dow Jones на 2,9%, S&P500 — на 2,5% [11].

Парадокс американских мер, направленных на сдерживание китайской экономической экспансии, заключается в том, что, во-первых, инициатором таковой являются США, а во-вторых, попытка переформатировать «Кимерику» грозит обрушением долларовой финансовой архитектуры гегемонии США. В арсенале защитных мер Китая имеется главное оружие — вброс на рынок части американских ценных бумаг (которыми располагает Поднебесная в объеме 1 трлн долл.) (рис. 2) [14].

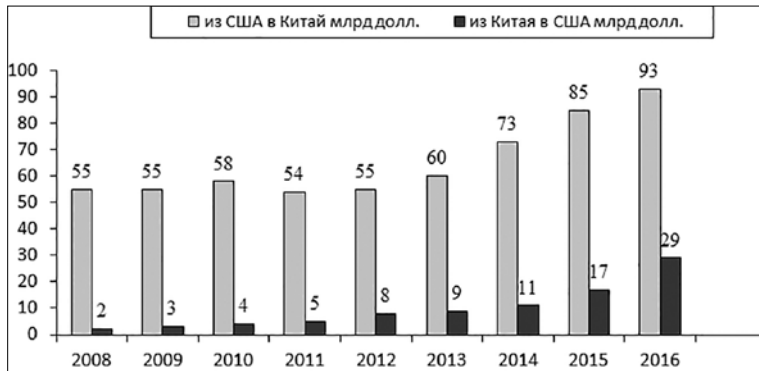

Рис. 2. Взаимные прямые инвестиции, млрд долл. [19]

В случае состоявшейся торговой войны мог значительно ухудшиться климат американских инвестиций в китайскую экономику.

На Азиатском экономическом форуме председатель КНР Си Цзиньпин сделал шаг на пути преодоления американско-китайского торгового кризиса. В своей речи китайский лидер заявил о снижении пошлин на автомобили, разрешении зарубежным фирмам (имелись в виду прежде всего американские) увеличить до 51% долю в авиа- и судостроительных СП. В ответ президент США в Twitter написал: «Благодарен китайскому лидеру за добрые слова о тарифах и за доступ американских автопроизводителей, так же как за «просвещение» о политике в области интеллектуальной собственности. «Мы добьемся вместе огромного прогресса!» [13].

Второй раунд переговоров США и Китая 19–20 мая 2018 г. закончился беспрецедентными уступками Поднебесной. Китай согласился к 2020 г. за счет расширения закупок у США на 35–40% продовольствия и энергоно-

сителей уменьшить дефицит торговли на 200 млрд долл. Такие преференции Америке приведут к значительным трансформациям в мировых рынках, что очевидно следует из нижеприведенных данных, касающихся китайских рынков нефти и газа (рис. 3, 4).

Неразрешенным остается вопрос введения пошлин на ввоз алюминия и стали в Америку из Европейского союза, отсроченный до 1 июня 2018 г. «Не хотите платить налог – переносите свою фабрику в США, и налога не будет, – заявил американский президент. – Я встаю на защиту национальной безопасности Америки и для этого ввожу пошлину на ввоз из-за границы стали и алюминия» [7].

В качестве альтернативы пошлинам США предлагали режим торговых квот, покрывающих 63% фактических поставок в 2017 г., что равносильно практически 40% сокращению экспорта металлов из Европы. С новыми условиями торговли согласились Аргентина, Австралия, Бразилия и Южная Корея, ЕС надеялся на урегулирование проблемы на переговорах.

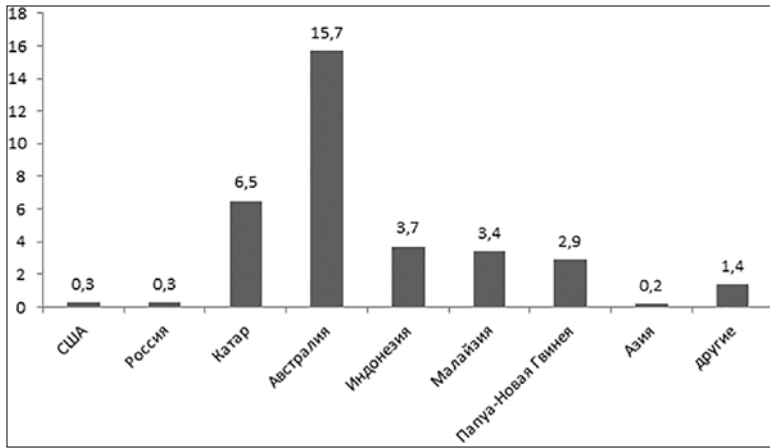

Рис. 3. Поставки газа в Китай в 2016 г., млрд куб. м [16]

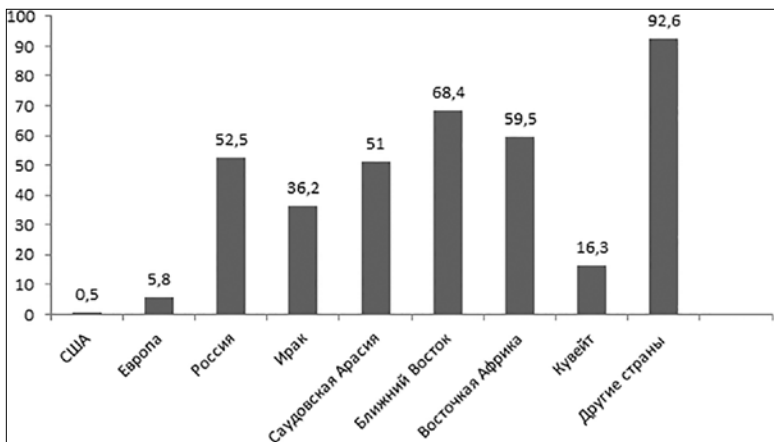

Рис. 4. Поставки нефти в Китай в 2016 г., млн т [16]

Однако реальное положение дел в американской алюминиевой и сталелитейной отраслях не вселяет уверенности в положительном исходе проблемы для Европы. Согласно материалам Всемирной ассоциации производителей стали (WSA), объем производства стали в США сократился со 102 млн т. в 2000 г. до 78 млн т. в 2016 г. При этом ее потребление внутри страны

увеличилось. Собственное производство стали покрывает менее 2/3 потребности США. Еще хуже обстоит ситуация с алюминиевой отраслью. По данным геологической службы США (USGS), общий объем производства алюминия сократился с 2004 г. почти вдвое: с 3,7 млн т. до 700 тыс. т. в 2017 г. При этом собственные производственные мощности загружены лишь на 35% [7].

Рис. 5. Выплавка стали в США²

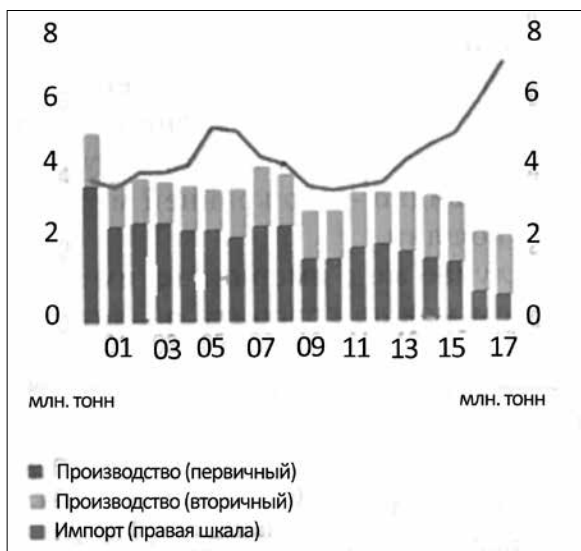

Рис. 6. Производство алюминия в США³

² Источник: WSA.

³ Источник: USGS.

Учитывая опыт разрешения американо-китайского кризиса, при наличии у Китая значительно более веских оснований противостоять давлению США, шансов на благоприятный исход американо-европейской торговой войны значительно меньше.

В своем сообщении в Twitter Д. Трамп написал, что ЕС, чьи «замечательные страны» ведут очень плохую политику, и в торговле с США жалуются на пошлины, но если европейцы отменят свои «чудовищные барьеры и тарифы» для американской продукции, то США смогут смягчить свою позицию. Иначе под специальные пошлины попадут автомобили из Европы. Замечательно, что второй вариант урегулирования проблемы, озвученный министром финансов США С. Мнучиным, заключается в повышении доли европейских государств в финансировании структур НАТО [5].

Для давления США на ЕС используется уже отработанная на Китае тактика навязывания американских энергоносителей, и прежде всего сжиженного природного газа (СПГ). В случае положительной реакции Германии на ультиматум об отказе от проекта «Северный поток–2» США обещают начать переговоры по новому торговому соглашению. При этом выход Германии из соглашения «Северный поток–2» нанесет ущерб не только российско-германским интересам, но и интересам Украины, так как, выполняя пожелания других европейских партнеров, министр экономики и энергетики ФРГ П. Альтмайер достигнет соответствующих договоренностей с Москвой и Киевом

о том, что новый маршрут газового транзита в Европу будет гарантирован поставками российского газа через территорию «незалежной» [2].

Таким образом, как и в случае с Китаем, США в обмен на сохранение режима свободной торговли продавливают своим трансатлантическим партнерам собственный неконкурентный продукт.

Ожидаемо, после 1 июня 2018 г., США отказались продлить отсрочку введения новых пошлин на ввоз стали и алюминия. По словам координатора по трансатлантическому сотрудничеству при канцлере Германии П. Байер, «Европа поняла, что трансатлантические отношения радикальным образом изменились».

Министр финансов Франции Брюно Ле Мэр назвал пошлины на европейские металлы «необоснованными и опасными» для роста мировой экономики и предупредил, что у ЕС не будет выбора, кроме как «вступить в торговую войну». «Ответственность лежит исключительно на властях США. Только они должны решить, хотят ли они вступать в торговую войну со своими ближайшими партнерами» [9].

Еще одной мерой американского протекционизма стала налоговая реформа, закон о проведении которой Д. Трамп подписал в декабре 2017 г. Новые положения налоговой политики США, призванные вернуть производство и потоки прибыли в Америку, направлены прежде всего против европейских партнеров [9].

Реформа налоговой системы США предусматривает снижение налога

на прибыль юридических лиц с 35 до 21% и на репатриацию прибыли до 15,5% для наличных средств и до 8% — для безналичных. Имея цель создать благоприятные условия для развития национального бизнеса, Д. Трамп фактически перекладывает трудности, связанные с дефицитом бюджета на плечи рядовых налогоплательщиков, а сокращение поступлений от обложения состоятельной верхушки финансовой элиты усугубляет проблемы нарастающего государственного дефицита бюджета и долга США.

Рутинным инструментом современной политики протекционизма становится практика введения санкций. Под предлогом (как правило надуманным, как в случае с химатской в Сирии), прежде всего власти Америки вводят меры ограничения в отношении стран, способных составить конкуренцию американским интересам. Так, последние и, видимо, будущие санкции США в отношении России преследуют цель нанести урон российскому ОПК.

Обычным явлением стало использование протекционистских мер для прямого политического давления. Так, например, США, фактически заинтересованные в продолжении нагнетания конфликтной ситуации на Корейском полуострове, навязывают Южной Корее жесткую позицию в отношении Пхеньяна, шантажируя угрозой выхода из соглашения о свободной торговле [15].

Противники политики протекционизма, ставшей доминирующей во внешнеполитических и внешнеэкономических отношениях США,

утверждают, что «торговый дефицит возникает не из-за того, что мы импортируем тот или иной товар. Торговый баланс определяется прежде всего отношением общих затрат жителей и компаний США на товары и услуги к их производству. Если первое превышает второе, мы получаем импорт» [6].

Так, замещение собственной добычей нефти импорта, создававшего в 2009 г. половину торгового дефицита, не остановило рост последнего, и, напротив, рецессия 2009 г., сокращение потребления и рост сбережений способствовали сокращению дефицита торговли с 709 млрд долл. до 384 млрд. По мнению сторонников неолиберализма, торговый дефицит вообще не должен составлять предмет для беспокойства. Как утверждает главный экономист Manulife&John Hancock Asset Management Меган Грин, «в последнее десятилетие экономика развитых стран с дефицитом торгового баланса росла быстрее, чем стран с профицитом» [6].

Еще одна группа экономистов полагает, что урон от протекционистских мер превышает преимущества. Эксперт Корнеллского университета Э. Прасад утверждает, что перестройка мировых рынков может иметь негативные последствия в том числе и для американской экономики [1].

Эксперты МВФ предупреждают, что протекционизм может стать серьезным фактором снижения темпов глобального экономического развития. Учитывая последние события, связанные с торговыми войнами Трампа, МВФ понизил свои прогнозы относительно роста мирового ВВП (табл. 1).

Как изменился прогноз МВФ

	Отличие от прогноза апреля 2018 г.			
	2017	2018	2017	2018
Развитые страны	2	1,9	0	-0,1
США	2,1	2,1	-0,2	-0,4
Еврозона	1,9	1,7	0,2	0,1
Развивающиеся страны	4,6	4,8	0,1	0
Россия	1,4	1,4	0	0
Китай	6,7	6,4	0,1	0,2
Мировая торговля	4	3,9	0,2	0

Сказанное убеждает в том, что протекционизм как феномен экономической теории и практики, рожденный в Средневековье, не потерял своей актуальности. На протяжении обозримой истории мировой экономики меры поддержки национальных экономик являлись и являются неотъемлемым

компонентом государственной политики.

Его современное «издание» приобретает новое содержание, выходящее за экономические пределы, и становится одним из инструментов политической конкуренции в глобализирующемся мире.

Список литературы

1. *Базанова Е., Петлева В.* Так накалялся Трамп // Ведомости. 2018. № 42 (4523). [*Bazanova E., Petleva V.* Tak nakalyalsya Tramp // Vedomosti. 2018. № 42 (4523)]
2. *Башкатова А.* Трамп шантажирует Европу газом // Независимая газета. 2018. № 96–97 (7288–7289). [*Bashkatova A.* Tramp shantazhiruet Evropu gazom // Nezavisimaya gazeta. 2018. № 96–97 (7288–7289)]
3. *Башкатова А.* Налоговая реформа Трампа напугала европейцев // Независимая газета. 2017. № 273 (7150). [*Bashkatova A.* Nalogovaya reforma Trampa napugala evropejcev // Nezavisimaya gazeta. 2017. № 273 (7150)]
4. *Вэй Л., Шлезингер Д., Пейдж Д., Бендер М.* На пороге войны // Ведомости. 2017. № 219. [*Vehj L., SHlezinger D., Pejdzh D., Bender M.* Na poroge vojny // Vedomosti. 2017. № 219]

5. *Джумайло А.* Стальные пошлины испытывают на прогиб // Коммерсант. 2018. № 40 (6278).

[*Dzhumajlo A.* Stal'nye poshliny ispytyvayut na progib // Kommersant. 2018. № 40 (6278)]

6. *Зумбрун Д.* Пошлины не спасут Трампа от дефицита // The Wall Street Journal // Ведомости. 2018. № 53 (4534).

[*Zumbrun D.* Poshliny ne spasut Trampa ot deficita // The Wall Street Journal // Vedomosti. 2018. № 53 (4534)]

7. *Кудияров С.* Патриотизм поневоле // Эксперт. 2018. 14–20 мая. № 20 (1074).

[*Kudiyarov S.* Patriotizm ponevole // Ekspert. 2018. 14–20 maya. № 20 (1074).]

8. *Невельский А.* Полупроводники против свиней // Ведомости. 2018. № 50 (4531).

[*Nevel'skij A.* Poluprovodniki protiv svinej // Vedomosti. 2018. № 50 (4531)]

9. *Оверченко М., Невельский А.* Союзники готовы к торговой войне // Ведомости. 2018. № 98 (4579).

[*Overchenko M., Nevel'skij A.* Soyuzniki gotovy k torgovoj vojne // Vedomosti. 2018. № 98 (4579)]

10. Путин заявил об угрозе экономического кризиса, «которого мир еще не видел» [Электронный ресурс]. URL: <https://ria.ru/spief/20180525/1521375813.html>

[*Putin zayavil ob ugroze ehkonomicheskogo krizisa, «kotorogo mir eshchyо ne videl»* [Ehlektronnyj resurs]. URL: <https://ria.ru/spief/20180525/1521375813.html>]

11. *Саховская А.* Мировая торговая война [Электронный ресурс]. URL: <https://www.vesti.ru/doc.html?id=2998837#>

[*Sahovskaya A.* Mirovaya torgovaya vojna [Ehlektronnyj resurs]. URL: <https://www.vesti.ru/doc.html?id=2998837#>]

12. *Скоцырев В.* Американские пошлины возмутили Китай [Электронный ресурс]. URL: http://www.ng.ru/world/2018-04-05/1_7205_china.html

[*Skosyrev V.* Amerikanskie poshliny vozmutili Kitaj [Ehlektronnyj resurs]. URL: http://www.ng.ru/world/2018-04-05/1_7205_china.html]

13. *Скоцырев В.* Китай готов предотвратить торговую войну // Независимая газета. 2018. № 75 (7267).

[*Skosyrev V.* Kitaj gotov predotvratit' torgovuyu vojnu // Nezavisimaya gazeta. 2018. № 75 (7267)]

14. *Скоцырев В.* Пекин может ударить по американской фондовой бирже // Независимая газета. 2018. № 58–59 (7250–7251).

[*Skosyrev V.* Pekin mozhet udarit' po amerikanskoj fondovoj birzhe // Nezavisimaya gazeta. 2018. № 58–59 (7250–7251)]

15. *Скоцырев В.* Трамп принуждает Южную Корею к войне // Независимая газета. 2017. № 190 (7007).

[*Skosyrev V.* Tramp prinuzhdaet YUzhnuyu Koreyu k vojne // Nezavisimaya gazeta. 2017. № 190 (7007)]

16. США и Китай на пороге торговой войны. Обобщение [Электронный ресурс]. URL: <http://www.interfax.ru/business/606883>

[SSHA i Kitaj na poroge torgovoj vojny. Obobshchenie [Elektronnyj resurs]. URL: <http://www.interfax.ru/business/606883>]

17. Торговля между США и Китаем набирает обороты [Электронный ресурс]. URL: <http://chinaprk.ru/torgovlya-mezhdu-ssha-i-kitaem-nabiraet-обороты/>

[Torgovlya mezhdu SSHA i Kitaem nabiraet обороты [Elektronnyj resurs]. URL: <http://chinaprk.ru/torgovlya-mezhdu-ssha-i-kitaem-nabiraet-обороты/>]

18. Трамп пошел в газовую атаку на Пекин // Независимая газета. 2018. № 60 (7202).

[Tramp poshyol v gazovuyu ataku na Pekin // Nezavisimaya gazeta. 2018. № 60 (7202)]

19. U.S. Department of Commerce [Электронный ресурс]. URL: <https://www.commerce.gov/>

УДК 339.7

Р. ДЗАРАСОВ,

доктор экономических наук,
заведующий кафедрой
политической экономики
и истории экономической науки
РЭУ им. Г.В. Плеханова
e-mail: dzarasovr@gmail.com

R. DZARASOV,

doctor of Economics,
head of the Department
of political economy
and history of economic science
of PRUE. G.V. Plekhanova

Ключевые слова:

интеграция, США, Россия, Китай,
ШОС, ЕАЭС, капитализм, рынок,
экономика, развитие

Keywords:

integration, USA, Russia, China,
capitalism, SCO, EEU, market,
economy, development

ИНТЕГРАЦИЯ В ЕВРАЗИИ, МИРОВОЙ КАПИТАЛИЗМ И РОССИЙСКИЕ ИНТЕРЕСЫ

В статье автор рассматривает соперничество интеграционных проектов стран Евразии и США и их влияние на Россию. Для преодоления полупериферийного капитализма, сложившегося в нашей стране, необходим перенос акцента со стагнирующего мирового рынка на внутренний спрос, что существенно укрепило бы отечественную экономику перед новой волной экономического кризиса.

INTEGRATION IN EURASIA, WORLD CAPITALISM AND RUSSIAN INTERESTS

In the article, the author examines the rivalry between the integration projects of the countries of Eurasia and the United States and their influence on Russia. To overcome the semi-peripheral capitalism that has developed in our country, it is necessary to shift the emphasis from the stagnating world market to domestic demand, which would significantly strengthen the domestic economy before the new wave of the economic crisis.

В последнее десятилетие произошло резкое обострение международного соперничества за доминирование на евразийском пространстве. Не по-

следнюю роль в этом процессе играют интеграционные объединения. США инициировали Трансатлантическое торговое и инвестиционное партнер-

ство (ТТИП) и Транстихоокеанское торговое партнерство (ТТП). Это были своеобразные геоэкономические тиски, в которые США пытались взять континент. Показательно, что от ТТП США отказались при новом президенте Д. Трампе, а ТТИП с трудом продолжают продавливать, сталкиваясь с сопротивлением даже таких верных союзников, как Германия. Это одно из проявлений кризиса гегемонии США в современном мире.

В то же время несколько бывших советских республик создали ЕАЭС, а Китай активно продвигает свой проект «Один пояс — один путь». Со стороны России — это попытка отстоять самостоятельную роль на мировой арене вместе с рядом своих соседей. Китай явно стремится создать транспортную инфраструктуру, которая обеспечила бы ему сухопутный доступ на рынки Евразийского континента, неподконтрольный США. На этом фоне ШОС выглядит как еще одна важная инициатива стран, стремящихся сплотиться перед лицом внешнего давления.

Соответственно, соперничество интеграционных образований в Евразии является одним из острых проявлений перераспределения сил и влияния на мировой арене, наступивших в результате текущего кризиса мировой экономики.

Понять содержание этого процесса можно только в случае отказа от неолиберальной картины мирового рынка как сообщества равноправных конкурентов. В действительности речь идет о жесткой иерархической системе, основанной на отношениях господства и подчинения.

Ее наиболее адекватную модель дают идеи мир-системного подхода, развиваемого школами Ф. Броделя, И. Валлерстайна, А. Франка, Д. Арриги, С. Амина и др. Отличительной чертой этих течений является взгляд на капитализм как на неоднородную мировую систему, развивающуюся через эксплуатацию центром (развитые страны) периферии (отсталые страны).

Еще в 60-е годы была выдвинута концепция «развития отсталости» (development of underdevelopment) американского экономиста А. Франка [10]. Ее главный тезис состоит в том, что отсталость так называемых «развивающихся стран» является искусственным феноменом, т. е. носит не естественный, а рукотворный характер. Большинство стран Азии, Африки и Латинской Америки к моменту интеграции в мировую капиталистическую систему были развитыми для своего времени обществами. Они обладали диверсифицированными экономиками и относительной социальной стабильностью. Став колониями развитых стран, эти общества подверглись глубокой трансформации. Она затронула как их производительные силы, так и общественные отношения.

Экономикам колоний навязывалась монокультурная структура производства, т. е. многообразие их хозяйственной деятельности сводилось к нескольким основным трудозатратным производствам, ориентированным на потребности метрополий. Они превращались в поставщика дешевых природных ресурсов и сельскохозяйственной продукции. Одновременно трансформировалась и их социальная

структура. Крестьян лишали доступа к земле и превращали в армию дешевого труда для трудозатратных производств. С другой стороны, из выходцев из местной феодальной знати возвращалась компрадорская буржуазия. Она выступала в роли посредника в эксплуатации природных и трудовых ресурсов своих стран в интересах метрополий. А. Франк назвал подобный имущий класс Латинской Америки люмпен-буржуазией [9].

К сожалению, переход к капитализму стран СНГ после краха СССР демонстрирует многие черты именно такого типа развития. В самом деле, об этом свидетельствует трансформация производства стран региона, для которых характерен упадок обрабатывающей промышленности при росте добывающей.

Так, в 90-е годы доля промышленности в общей величине добавленной стоимости в этих странах в среднем упала с 38 до 29% [4]. Соответствующей трансформации подверглась и социальная структура бывших советских обществ. С одной стороны, в них сформировалась прослойка компрадорских олигархов, с другой — произошло значительное обнищание трудящихся.

Положение России в мировой экономике и системе международных отношений резко изменилось в связи с начавшимся в 2007—2008 гг. кризисом глобального капитализма. Его природа связана со специфическим развитием мирохозяйственных отношений в последние полвека.

Структура внешней торговли стран СНГ свидетельствует о том, что они являются экспортерами продукции с низкой и импортерами товаров с высокой добавленной стоимостью [1]. Это яркое выражение их периферийного положения в мировой капиталистической системе. Об этом же свидетельствуют факты систематического и масштабного бегства капитала, «утечки мозгов», технологического отставания, значительного внешнего долга в государственной или частной форме и т. д.

Впрочем, Россию специалисты скорее относят к крупным полупериферийным странам вместе с другими членами БРИКС [2]. Подобные государства, с одной стороны, зависят от центра, с другой — обладают достаточным потенциалом, чтобы бросить ему вызов в ответ на геополитическое давление. В случае России это объясняется унаследованными от СССР развитым промышленным потенциалом, высоким уровнем образования и науки, ядерным оружием, способным нанести агрессору неприемлемый ущерб. Если бы не это последнее обстоятельство, то учитывая масштабы снижения ее экономического потенциала, нашу страну вполне могла постичь судьба Югославии.

* * *

Водоразделом между послевоенным подъемом капитализма и его сползанием к сегодняшнему кризису стала «стагфляция» 70-х годов. В те годы послевоенное восстановление экономик Западной Европы и Японии привело к обострению международной конкуренции.

В результате началось долгосрочное падение доходности от вложений капитала в производство [6]. Это привело к существенному изменению самой модели корпоративного управления в американском бизнесе. Максимизация стоимости акционерного капитала сменила долгосрочный рост как главную цель американских корпораций [14]. Соответственно произошло резкое сокращение производственных активов, фонда инвестиций в производство, персонала компаний. Сэкономленные средства направлялись на выплаты дивидендов и вложения в финансовые активы.

Можно сказать, что современный капитализм сместил акцент в своей деятельности с созидательной, производственной деятельности к финансово-паразитической. На пике финансиализации в 2007 г. сумма капитализации рынков акций, долговых обязательств и банковских активов превышала мировой ВВП в 4,4 раза, а теневой рынок деривативов достиг почти 600 трлн долл., что в 11 раз больше того же показателя [5].

Возникает вопрос: если произошло смещение капиталовложений из производства в финансово-спекулятивную сферу, то на какой же материальной основе в 80-е – 2000-е годы произошел рост прибыли корпоративного сектора? Ответ на этот вопрос дает анализ глобального сдвига производства с Севера на Юг, т. е. из развитых стран Запада в регионы с низкой оплатой труда.

Этот процесс хорошо объясняет теория «глобальных цепочек стоимости» [4]. Согласно этому подходу транс-

национальные корпорации (ТНК) разбивают процесс производства на отдельные звенья в соответствии с создаваемой величиной добавленной стоимости. Трудоизбыточные технологии с невысокой добавленной стоимостью переносятся в регионы с низкой оплатой труда.

В то же время «ключевые компетенции» с высокой добавленной стоимостью – научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы, маркетинг, дизайн, юридическое обслуживание, продвижение и т. д. – ТНК сохраняют за собой. Зачастую крупные корпорации вообще не осуществляют никакого производства [17].

Важнейшей особенностью «цепочек стоимости» является то, что западные ТНК выступают в них как монополисты-покупатели, тогда как поставщики вынуждены конкурировать между собой. Это обеспечивает низкие цены на полуфабрикаты и комплектующие при высокой продажной цене конечной продукции.

Перенос производства в регионы с низкой оплатой труда привел к подрыву положения наемного труда по всему миру, в том числе и в развитых капиталистических странах. Так, доля заработной платы в ВВП стран – членов Организации экономического сотрудничества и развития устойчиво падает с начала 80-х годов [11].

В результате развитие производства в глобальных масштабах сопровождается отставанием мирового совокупного спроса. Это связано с тем фактом, что потребительский спрос определяется прежде всего спросом наемных работников. По этой при-

чине происходит систематическое падение загрузки производственных мощностей в центре мирового капитализма [18] и по всему миру. Соответственно, падают темпы роста мирового ВВП в реальном выражении. Это ведет к дальнейшему падению чистых прибылей корпораций и мировых производственных инвестиций [7]. Получается, что снижение эффективности капитализма временно преодолевается за счет усиления эксплуатации периферии. Однако в долгосрочном плане это еще больше подрывает эффективность капитализма. Именно эта логика капиталистического развития и лежит в основе современного мирового экономического кризиса.

Это еще и кризис американской гегемонии. Объективно США не могут обеспечить эволюционное разрешение данного кризиса. В самом деле, новый импульс развитию мирового хозяйства могло бы придать увеличение реальной заработной платы в мировых масштабах. Это расширило бы мировой совокупный спрос и повысило бы доходность реального производства в сравнении с доходностью финансовых спекуляций.

Однако добровольное принятие подобной реформы современным Западом едва ли возможно. Но проблема заключается не только в том, что такой подход предполагает перераспределение мировых доходов от элиты в пользу трудящихся. Такой шаг означает возвращение ведущей роли промышленного капитала при снижении значения финансово-спекулятивных группировок. Между тем именно последние доминируют

в мировой капиталистической элите сегодня.

Кроме того, изменение соотношения сил в пользу промышленного капитала выдвинет на первый план те страны, в которые и переместилась промышленность. Прежде всего это страны Азии во главе с Китаем. Такой поворот мирового развития означал бы полную смену как глобальной системы накопления капитала, так и опирающейся на нее современной системы международных отношений.

По этим причинам серьезная реформа капитализма наподобие той, что была осуществлена в 30-е годы в ходе так называемой «рузвельтианско-кейнсианской революции», сегодня вряд ли возможна. Больше похоже на то, что гегемон современного мирового капитализма — США — стремится в большей мере перенести бремя кризиса на другие страны, прежде всего на периферию и полупериферию. Такой подход предполагает ставку на силу. Чем другим можно объяснить, например, беспрецедентные усилия США в области военного строительства, когда СССР уже нет, а государственный долг превратился в одну из главных проблем американской экономики?

Глобальный размах происходящего переворота в военном деле можно оценить, исходя из следующего, далеко не полного списка направлений развития американской военной машины:

— модернизация всех трех компонентов стратегического ядерного оружия, позволяющих, как надеются американские стратеги, преодолеть тупик «гарантированного взаимного уничтожения» [15];

– доктрина «молниеносного глобального удара» (Prompt Global Strike), предназначенная обеспечить американской армии способность в течение нескольких часов нанести сотни ударов высокоточным оружием в обычном, неядерном снаряжении, приводящих любую страну в мире к состоянию невозможности дальнейшего сопротивления [23];

– попытка размещения третьего, европейского позиционного района системы ПРО [12];

– сетцентрические методы ведения боевых действий (the Network Centric Warfare), которые призваны повысить эффективность сухопутных сил США до уровня, которым не обладает на сегодня ни одна армия в мире¹.

Как полагают американские специалисты, «если бы ядерная модернизация Соединенных Штатов была и впрямь нацелена на государства – изгои или террористов, то их ядерные силы не нуждались бы в тысячах дополнительных боеголовок. Похоже, что нынешние и будущие ядерные силы США предназначены для нанесения превентивного, обезоруживающего удара по России или Китаю» [15]. Те же эксперты убеждены, что третий позиционный район американской ПРО в Европе необходим, чтобы защитить США от возмездия со стороны ослабленных первым ударом ядерных сил России [15]. Все это красноречиво свидетельствует, что озабоченность России и ряда других стран (например,

Китая) складывающейся стратегической ситуацией возникла не на пустом месте.

Рассматривая указанные факты, следует иметь в виду, что военная машина США поддерживает их экономическое доминирование. Сегодня в США идет большая дискуссия по вопросу о том, не следует ли сократить военные расходы для обуздания неконтролируемого роста государственного долга страны?

В ответ на этот вопрос авторитетное издание американского Совета по международным отношениям разъяснило, что как бы ни было дорого для Америки содержание их мощных вооруженных сил, но они вполне прибыльны с экономической точки зрения. Ведь именно военная машина позволяет: международной торговле протекать свободно и дешево для американских партнеров; позволяет Соединенным Штатам структурировать мировую экономику так, чтобы это служило их особым экономическим интересам; также помогает американскому доллару сохранять место резервной мировой валюты, что приносит стране огромные выгоды [8]. Однако что оно не содержится в современных учебниках по макроэкономике, согласно которым все выгоды капитализма вытекают исключительно из волшебных свойств свободной конкуренции.

Ставкой американского правящего класса на силу можно объяснить

---

¹ Эта концепция нацелена на достижение превосходства на поле боя на основе достижений в области информационных технологий.

обострением целого ряда старых и появлением новых международных военно-политических конфликтов. По крайней мере в два из них — украинский и сирийский — Россия активно вовлечена.

Думается, что это не случайный ход событий, ведь для США один из путей преодоления кризиса своей гегемонии состоит в остановке неконтролируемого роста экономик стран полупериферии. Вероятнее всего, именно эти соображения лежали в основе стратегии «фокус на Азию» (pivot to Asia's strategy) бывшего президента США Б. Обамы [22]. Она предполагала стратегическое окружение и изоляцию Китая. Новый президент США Д. Трамп отказался от конкретной стратегии Обамы, но не от самой идеи поставить Китай под большой контроль. Борьба за контроль над углеводородными ресурсами Центральной Азии — новая «Большая игра» — является важнейшим долгосрочным элементом данной стратегии [13].

Между тем Китай сделал свои выводы из сложившейся ситуации.

Во-первых, мировой экономический кризис привел к кризису экспортной модели роста вообще [19]. А ведь ее самым ярким примером является Китай. С началом кризиса недогрузка производственных мощностей в стране составила огромную долю (около 40%) [20]. При этом перенос акцента с внешнего на внутренний рынок требует изменения распределения национального дохода от прибыли к заработной плате. Этого имущий класс Китая будет стремиться всеми силами избежать.

Во-вторых, для руководства страны очевидно покушение на ее суверенитет со стороны мирового гегемона. Стратегическим ответом на эти угрозы и является упомянутый выше проект «Один пояс — один путь». Грандиозное строительство должно обеспечить загрузку свободных производственных мощностей и доступ к гигантским и динамичным рынкам Евразии. Успех стратегии США в Евразии зависит от их способности сорвать планы Китая.

Все это делает проамериканскую позицию России в духе 90-х годов очень важным условием американского успеха. Ведь наша страна волею истории и географии оказалась прямо на пути США к их важнейшим целям в регионе. К тому же на сегодня это единственная держава, чей ядерный потенциал сопоставим с американским. Однако вместо того, чтобы включиться в осуществление стратегии США, Россия пытается отстоять свою самостоятельность в регионе бывшего СССР. Это предполагает не роль простой марионетки Запада, а создание системы собственных союзов со странами Евразии.

Важнейшими из них для нашей страны являются ЕАЭС и ШОС. Именно эта претензия России на защиту собственных интересов и является причиной обострения ее отношений с Западом, и прежде всего с США, в последние годы. На Западе поспешили объявить, что Россия возобновила политику холодной войны [16]. В действительности, не всегда последовательная линия российской дипломатии на защиту своих государственных интересов, хотя и пред-

полагает порою острые конфликты с Западом, но не идет ни в какое сравнение с последовательной и бескомпромиссной борьбой Советского Союза.

Взвешенный научный анализ внешнеполитической стратегии современной России дает профессор международных отношений Кентского университета (Великобритания) Р. Саква [21]. Он полагает, что ни в каком смысле ее нельзя рассматривать, как ревизионистскую (попытка одной страны односторонне изменить текущий мировой порядок, т. е. современную систему международных отношений). Саква убедительно показывает, что современное руководство страны просто пытается защитить российские национальные интересы в рамках сложившейся системы, а не стремится бросить ей вызов. Поэтому речь идет об изменении практики доминирования Запада, а не о его подрыве самого по себе. Такой подход нашей страны к международным отношениям Саква называет «неоревизионистским». Его содержание заключается в стремлении заставить Запад признать национальные интересы России в рамках сложившейся системы международных отношений.

Таким образом, нынешнее соперничество интеграционных проектов в Евразии определяется глубоким кризисом мирового капитализма. Он вытекает из резкого усиления эксплуатации мировой периферии со стороны Запада, наступившим после краха СССР. Гегемон современного капиталистического мира — США — не способны обеспечить эволюционный переход к новой системе накопления

капитала, ибо он чреват потерей доминирования современного правящего класса этой страны. В этих условиях происходящее резкое обострение международных конфликтов отражает стремление США силой перенести бремя кризиса со своей экономики на другие страны. Этим объясняется, в частности, стремление усилить контроль над Китаем. США стали бы ближе к этой цели, если бы им удалось принудить Россию включиться в осуществление их стратегии. Однако такая позиция противоречила бы коренным интересам нашей страны.

Представляется, что в этих условиях Россия должна избегать полномасштабного конфликта с Западом, ибо ее ресурсов — экономических, военных и политических — недостаточно для такого столкновения. Однако подчиняться внешнему диктату и давлению путем экономических санкций тоже нельзя. Правы те, кто видит выход для России в сочетании своеобразного «косвенного противоборства» с Западом на Украине и в Сирии со сближением с другими странами Евразии, на которые также оказывается геополитическое давление. Прежде всего это Китай, Индия и Иран. Такой подход делает ШОС одной из важнейших для России международных площадок.

Наиболее слабое место России состоит в неолиберальном курсе ее экономической политики. Похоже, что единственный ответ на все многочисленные экономические вызовы, с которыми столкнулась страна, мы пытаемся найти в сбалансировании бюджета. Ради этого происходит сокращение государственных расходов

темпами, опережающими падение доходов. Между тем частных инвестиций оказывается явно недостаточно для модернизации производства и обеспечения экономического роста. Продолжается вывоз как государственного, так и частного капитала из страны в неприемлемых масштабах. Не удастся восстановить реальные доходы населения (относительно 2014 г.) и снизить социальное неравенство. На этой основе трудно обеспечить долгосрочное развитие оборонного сектора и гарантировать сохранение социальной и политической стабильности.

Все это отражает полупериферийный характер капитализма, утвердившегося в России в постсоветский период. Для его преодоления требуется переход к отечественной модели

индикативного планирования, или сочетания плана и рынка наподобие НЭПа 20-х годов или послевоенной Японии.

Перенос акцента со стагнирующего мирового рынка на внутренний спрос существенно укрепил бы отечественную экономику перед лицом внешних санкций и новой волны мирового экономического кризиса. Но он предполагает решительное перераспределение национального дохода в пользу наемного труда. Это плохо совместимо с интересами крупного капитала, особенно его прозападной, компрадорской части.

Такая модель экономики, повысив норму накопления, могла бы создать предпосылки для более активной роли России в экономической интеграции в Евразии.

Список литературы

1. Внешняя торговля стран СНГ и ЕС, 2013–2016. Краткий статистический справочник. М.: Межгосударственный статистический комитет СНГ, 2017, С. 29, 31.
[Vneshnyaya trgovlya stran SNG i ES, 2013–2016. Kratkij statisticheskij spravochnik. M.: Mezghosudarstvennyj statisticheskij komitet SNG, 2017, S. 29, 31]
2. *Хорос В.* Глобализация и крупные полупериферийные страны // Научные доклады. № 1. М.: Международные Отношения, 2003.
[Horos V. Globalizaciya i krupnye poluperiferijnye strany // Nauchnye doklady. № 1. М.: Mezhdunarodnye Otnosheniya, 2003.]
3. *Часовский В.* Промышленность стран СНГ в условиях транзитивной экономики // Известия РАН. 2015. № 5. С. 43.
[Chasovskij V. Promyshlennost' stran SNG v usloviyah tranzitivnoj ehkonomiki // Izvestiya RAN. 2015. № 5. S. 43.]
4. *Bair J.* Frontiers of commodity chain research. Stanford, Calif.: Stanford University Press, 2009.
5. *Birch K., Mykhnenko V.* The rise and fall of neoliberalism. The collapse of an economic order? L., N. Y.: Zed books, 2010.

6. *Brenner R.* The boom and the bubble. The US and the world economy. –L., N. Y.: Verso, 2003.

7. *Brenner R.* What is good for Goldman Sachs is good for America. The origins of the present crisis. Los Angeles: Center for Social Theory and Comparative History UCLA, 2009.

8. *Brooks S., Ikenberry J., Wohlforth W.* Lean Forward. In Defense of American Engagement [Электронный ресурс]. URL: <https://mcfr.wildapricot.org/Resources/Documents/2013-05-20%20Brooks%20Ikenberry%20FA%20Stay%20Engaged%201301.pdf>

9. *Frank A.* Lumpen-Bourgeoisie: Lumpen-development. Dependence, Class, and Politics in Latin America. L., N. Y.: Monthly Review Press, 1972.

10. *Frank A.* The development of underdevelopment // Monthly review. 1966. № 4.

11. *Guscina A.* Effects of Globalization on Labor's Share in National Income. Washington, D.C.: International Monetary Fund, 2006. № 6.

12. *Kaplan F.* Cold War Theater. The U.S. and Russia are fighting about missile defense when they should be settling differences [Электронный ресурс]. URL: http://www.slate.com/articles/news_and_politics/war_stories

13. *Kleveman L.* The New Great Game: Blood and Oil in Central Asia // URL: <http://www.eias.org/wp-content/uploads/2016/06/Briefing-Paper-NGG.pdf>

14. *Lazonick W., O'Sullivan M.* Maximizing shareholder value: a new ideology for corporate governance // Economy and society. 2000. № 1.

15. *Lieber K., Press D.* The Rise of U.S. Nuclear Primacy // [Электронный ресурс]. URL: https://www.dartmouth.edu/~dpress/docs/Press_Rise_US_Nuclear_Primacy_FA.pdf

16. *Lucas E.* The new Cold War. How the Kremlin menaces both Russia and the West. New York: Palgrave MacMillan, 2008.

17. *Milberg W.* Shifting sources and uses of profits: sustaining U.S. financialization with Global Value Chains, CEPN/SCEPA Conference, University of Paris.

18. *Mohun S.* Aggregate capital productivity in the US economy, 1964–2001 // Cambridge Journal of Economics. 2009. № 33.

19. *Palley Th.* The rise and fall of export-led growth / The Levy Institute of Economics // [Электронный ресурс]. URL: http://www.levyinstitute.org/pubs/wp_675.pdf

20. People's Republic of China // IMF country report №12. N. Y.; Washington, D.C.: International Monetary Fund, 2012. P 25.

21. *Sakwa R.,* Frontline Ukraine. Crisis in the Borderlands, L., N. Y.: I.B. Tauris & Co. Ltd. 2016.

22. Sustaining US Global Leadership: Priorities for 21st Century Defense [Электронный ресурс]. URL: http://archive.defense.gov/news/Defense_Strategic_Guidance.pdf

23. *Wolf A.* Conventional Prompt Global Strike and Long-Range Ballistic Missiles: Background and Issues. Washington: Congressional Research Service, 2014.

УДК 334.7

Б. ХЕЙФЕЦ,

доктор экономических наук,
главный научный сотрудник
Института экономики РАН,
профессор Финансового университета
при Правительстве РФ
e-mail: bah412@rambler.ru

B. KHEYFETS,

doctor of Economics,
chief researcher Of the Institute
of Economics,
Professor of the Financial University
under the Government of the Russian
Federation

Ключевые слова:

трансрегионализация,
экономическое мегапартнерство,
«Большая Евразия», ЕАЭС,
«Один пояс – один путь»,
интеграция снизу

Keywords:

transnacionalizacija,
economic mahapartner,
greater Eurasia,
the Eurasian economic Union,
«One belt,
One road» integration «from below»

ГЛОБАЛЬНЫЕ ПАРТНЕРСТВА И ТРАНСРЕГИОНАЛИЗАЦИЯ «БОЛЬШОЙ ЕВРАЗИИ»

В статье рассматриваются экономические возможности создания экономического партнерства «Большая Евразия» в свете набирающей силу в мировой экономике тенденции к формированию новых экономических мегапартнерств. Отмечается, что «Большая Евразия» не станет таким либеральным мегапартнерством, однако она может стать смешанным мегапартнерством, которое будет сочетать принципы проектно-инфраструктурной интеграции и создания двусторонних и многосторонних зон свободной торговли. Важнейшую роль должна сыграть интеграция снизу, опирающаяся на Интернет и цифровизацию.

GLOBAL PARTNERSHIP AND TRANSREGIONALIZATION «GREATER EURASIA»

The article discusses the economic opportunities of creating economic partnership Greater Eurasia in the light of the growing trend in the world economy to the formation of new economic mega-partnerships. It is noted that Greater Eurasia will not become such a liberal mega-partnership, but it can become a mixed mega-partnership, which will combine the principles of design and infrastructure integration and the creation of bilateral and multilateral FTA. Bottom-up integration based on the Internet and digitalization should play a crucial role.

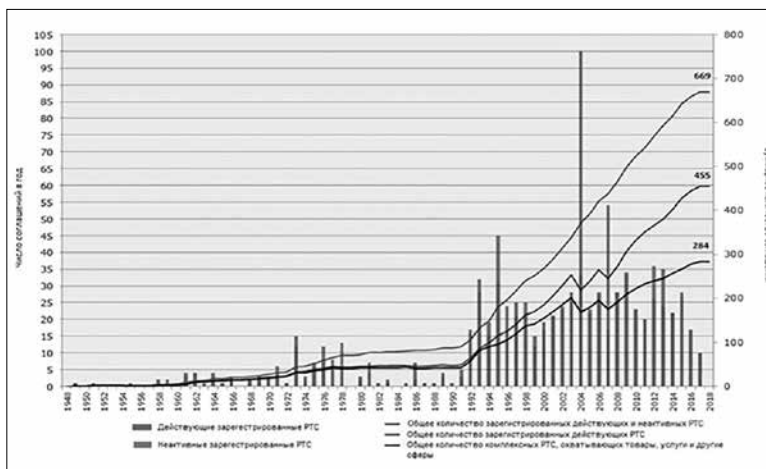
Трансрегионализация – новый тренд развития глобальной экономики

Отличительной особенностью развития глобальной экономики последних десятилетий стало развитие двух определяющих тенденций – глобализации и регионализации. При этом глобализационные процессы доминировали в первую очередь благодаря мощному развитию финансовой глобализации.

Глобальный финансово-экономический кризис 2008–2009 гг. принципиально изменил картину мировой экономики. Произошло серьезное замедление процессов глобализации, активизировались процессы регионализации, которые охватывают отдельные группы стран, стремящихся к более тесному экономическому взаимодействию путем создания дополнительных институциональных предпосылок.

Правила ВТО не только не препятствуют образованию преференциальных торговых союзов, но и утверждают желательность расширения свободы торговли посредством заключения добровольных соглашений о более тесном объединении стран – участниц подобных соглашений. Однако эти правила формулируют жесткое условие: создание таможенного союза или зоны свободной торговли не должно вести к ухудшению условий торговли участников таких союзов и других членов ВТО [6].

Подавляющее большинство РТС было заключено в последние 25 лет (рис. 1). На декабрь 2017 г. было зарегистрировано 669 региональных торговых соглашений (РТС). Правда, в силу вступили 455 РТС, из которых к 2009–2017 гг. относятся 203 соглашения (45% всех РТС) [1].

Рис. 1. Увеличение числа РТС в мире в 1948–2017 гг.

Новой тенденцией глобальной экономики стало формирование крупных экономических мегапартнерств, в рамках которых объединяются государства, расположенные на разных континентах, т.е. имеющие трансрегиональный характер. Ряд таких соглашений уже был подписан: 12 стран (Австралия, Бруней, Вьетнам, Канада, Малайзия, Мексика, Новая Зеландия, Перу, Сингапур, США, Чили, Япония) подписали Соглашение о Транстихоокеанском партнерстве (ТТП), а ЕС и Канада – Всеобъемлющее экономическое и торговое соглашение (ВЭТС). Если ВЭТС ЕС – Канада уже вступило в законную силу, то выход из ТТП самого крупного участника – США, сделал невозможным такое развитие событий для уже заключенного ТТП. В то же время остальные 11 участников ТТП решили реанимировать это соглашение, изменив его название на «Всеобъемлющее и прогрессивное соглашение для Транстихоокеанского партнерства» (Comprehensive and Progressive Agreement for Trans-Pacific Partnership – СРТТР).

ВЭТС ЕС – Канада стало усовершенствованным форматом сотрудничества Евросоюза с третьими странами в форме соглашений о глубокой и всесторонней зоне свободной торговли (ЗСТ), которые являются отличительным признаком новых экономических мегапартнерств. Следует отметить, что еще в 2010 г. было заключено Соглашение о свободной торговле между Евросоюзом и Южной Кореей, которое было временно применено с июля 2011 г., а официально ратифицировано всеми государствами Евросоюза в декабре 2015 г.

Хотя в этом соглашении были сделаны определенные шаги по сравнению с предыдущими соглашениями об отмене торговых барьеров, оно явилось только «пробным шагом» более продвинутых соглашений о ЗСТ, первым из которых стало ВЭТС ЕС – Канада. В декабре 2015 г. Евросоюзом было подписано соглашение о ЗСТ с Вьетнамом, а в декабре 2017 г. Евросоюз с Японией успешно завершили переговоры о создании экономического партнерства.

На финальной стадии находятся переговоры о ЗСТ со странами МЕРКОСУР: Аргентиной, Бразилией, Венесуэлой и Уругваем. ЕС собирается заключить подобные соглашения с Китаем, Мексикой, Колумбией, Перу, Ганой, Грузией, Молдавией, Украиной, со странами Сообщества развития стран Южной Африки и с участниками Средиземноморской арабской ЗСТ (Египтом, Иорданией, Марокко и Тунисом).

В стадии завершения сейчас переговоры по Региональному всеобъемлющему экономическому партнерству (РВЭП) между 10 странами АСЕАН и Китаем, Японией, Индией, Республикой Корея, Австралией и Новой Зеландией. Возобновились прерванные переговоры ЕС и США по Трансатлантическому торговому и инвестиционному партнерству (ТАТИП), которое может стать крупнейшим экономическим мегапартнерством. При этом подписание ВЭТС ЕС – Канада повышает вероятность заключения подобного соглашения, имеющего помимо экономического огромное геополитическое значение.

За счет взаимного пересечения (вхождения в разные союзы одних и тех же стран) доля отдельных мегартнерств в мировом ВВП (по номинальному валютному курсу) составляет 30–45%, в мировой торговле – 20–35%, в накопленных ПИИ – 20–40%. Это огромные части глобальной экономики.

Развитие трансрегионального взаимодействия позволяет говорить о появлении нового явления в мировой экономике – трансрегионализма, который отличается от традиционного

межгосударственного регионализма. Его приоритетом является в первую очередь общность экономических интересов, а не территориальная близость и наличие общих границ. Именно согласованные экономические интересы и соответствующие межгосударственные договоренности определяют эффективность такого взаимодействия, тогда как экономическая роль географического соседства в условиях развития новых видов транспортных сетей и других коммуникаций отходит на второй план.

Понятие экономического мегартнерства

В данной связи целесообразно остановиться на понимании самого термина «экономическое партнерство» как новой перспективной формы межгосударственных альянсов.

Дело в том, что в русском языке термин «межгосударственное партнерство» имеет широкое толкование. Оно используется фактически как синоним сотрудничества более тесного и доверительного характера и распространяется на разные направления такого взаимодействия, включая экономику, политику, общество, культуру и т. п. Достаточно распространен термин «стратегическое партнерство», который обычно применяется для обозначения более высокой стадии отношений государств или их союз. Подобное понимание партнерства позволяет часто использовать этот термин в дипломатических документах, а также для обозначения масштабных будущих проектов. Хотя фактически оно ничего не говорит о реальных намерениях

и ни к чему не обязывает участвующие в партнерстве государства. Этой позиции придерживаются и многие ученые, которые считают возможным использовать термин «партнерство» для обозначения межгосударственных крупных проектов сотрудничества. Однако, по нашему мнению, термин «экономическое мегартнерство» в современном понимании характеризует новый тип интеграционных объединений, отличных от традиционных интеграционных региональных союзов.

Исходя из классической пятистадийной теории экономической интеграции Б. Балаши, экономические партнерства можно отнести к первой интеграционной стадии – ЗСТ с элементами третьей стадии, подразумевающей создание регулируемых по общим правилам зон свободного движения товаров, услуг, отчасти капиталов и в первую очередь инвестиций [10]. Партнерства не предполагают

создания таможенных союзов (вторая стадия), т. е. проведения единой таможенной политики по отношению к третьим странам. Таким образом, для третьих стран теоретически остаются возможности устанавливать отношения разного уровня и в различных форматах с отдельными участниками партнерств.

Новые экономические мегапартнерства не предусматривают образования валютных союзов с их строгими правилами и ограничениями в макроэкономической и валютно-финансовой сфере. В расчетах будут использоваться разные валюты, прежде всего эмитируемые самыми мощными в экономическом отношении игроками (доллар, евро; в партнерствах с участием Китая все более прочные позиции завоевывает юань и другие национальные валюты).

В случае создания экономических мегапартнерств также не идет речь о формировании надгосударственных органов, т. е. они не требуют создания мощного бюрократического аппарата,

не позволяющего чутко реагировать на постоянно возникающие вызовы мирового развития. Фактически единственными межгосударственными институтами, регулирующими деятельность экономических партнерств, являются соответствующие межгосударственные соглашения о создании таких партнерств.

Отсутствие необходимости делегировать элементы своего суверенитета на наднациональный уровень и жестких требований по унификации макроэкономической и валютно-финансовой политики делает новые мегапартнерства более устойчивыми элементами новой модели глобального экономического пространства по сравнению с традиционными региональными интеграционными объединениями. У последних наблюдается усиление противоречий и нарастание дезинтеграционных тенденций именно в связи с необходимостью выполнения некоторых навязываемых наднациональных решений [8].

Проект «Большая Евразия»

Задача создания в рамках «Большой Евразии» современного экономического мегапартнерства, о понимании которых говорилось выше, представляется малореалистичной. То, что кажется хорошим для политиков и пропагандистов, для объективного экономического анализа не подходит.

Собственно говоря, термин «партнерство» применительно к «Большой Евразии» прикрепился позже, чем появилась сама идея. Впервые о «Большой Евразии» заявил в 2016 г.

В.В. Путин на Петербургском Международном экономическом форуме, назвав это проектом «Большая Евразия», который открыт для всех: как для Китая, так и для Евросоюза. Хотя эта идея коррелировала с тенденцией к трансрегионализации и рассматривалась как альтернатива новым экономическим мегапартнерствам. Как отмечал В.В. Путин, «мир меняется, идет технологическая революция, и нужно не создавать замкнутые пространства, а, наоборот — встречать ее вместе» [5].

«Большая Евразия» охватывает несколько региональных альянсов и региональных объединений, которые характеризуются разным уровнем развития и разной степенью вовлеченности в глобальную экономику. Действительно, какая интеграция может быть между такими союзами, как ЕАЭС, ЕС, АСЕАН, ШОС и т. п.?

Важным фактором, который нельзя не учитывать при реализации проекта, является то, что на пространстве Большой Евразии существует немало привлекательных альтернатив, прежде всего в виде новых мегапартнерств и старых региональных интеграционных альянсов. Они создают естественную конкуренцию для развития каждого нового экономического объединения. Лозунг «интеграция интеграций» крайне привлекателен с политической точки зрения, но труднореализуем на практике.

Действительно, Европейский союз как отмечалось выше, стремится создавать всеобъемлющие и глубокие экономические партнерства по всему миру, которые снимают практически все барьеры на пути межгосударственного движения товаров, услуг, капиталов. Например, Соглашение об экономическом партнерстве (СЭП) ЕС и Японии предусматривает устранение тарифов на более чем 90% экспорта из Евросоюза в Японию, а в перспективе это коснется уже 97% импортных европейских товаров. Соглашение позволит европейским производителям освободиться от значительного количества таможенных пошлин и платежей, ежегодно достигающих 1 млрд евро. СЭП коснется 600 тыс. работников в ЕС и 74 тыс. компаний,

связанных с экспортом в Японию, а также 550 тыс. работников японских компаний в Евросоюзе [11]. СЭП устранил также многие нетарифные меры в торговле, что очень важно, так как японские технические стандарты, а фитосанитарные нормы создают дополнительные препятствия для европейских компаний.

Не менее активен в этом отношении Китай. Он является основным драйвером проекта РВЭП, в котором участвуют 16 государств и где либерализация должна коснуться 90–92% импортных пошлин.

Китай уже дважды предлагал сформировать ЗСТ с ШОС. Последний раз такое предложение прозвучало в декабре 2015 г. в выступлении премьера Госсовета КНР Ли Кэцян на расширенном заседании Совета глав правительств государств – членов этой организации [4]. Помимо экономических проблем в ШОС имеются серьезные противоречия политического характера, например, касающиеся взаимоотношений Индии и Пакистана.

Первоначально предполагалось, что идея сопряжения проектов ЕАЭС и «Один пояс – один путь», выдвинутая еще в мае 2015 г., будет реализовываться путем создания ЗСТ. Однако создание такой зоны столкнулось с серьезными трудностями, что значительно затянуло реализацию этого проекта. Вероятно, это будет не ЗСТ, а Всеобъемлющее экономическое и торговое соглашение, которое будет распространяться на ограниченный круг отраслей и товаров.

Как отмечают некоторые эксперты, трансформация российских подходов

в сторону всей «неевропейской» части Евразии, включая Средний Восток и Южную Азию, вызывает определенные сомнения. Этот проект довольно аморфный, есть определенный скептицизм относительно совместимости экономик и политических целей государств, расположенных на огромном массиве Евразии. Объединить их в одну структуру крайне сложно [7].

Поэтому ряд экспертов считает, что не надо ставить перед «Большой Евразией» серьезных экономических

задач. Т. Бордачев пишет, что политическая идея «Большой Евразии» может в перспективе трансформироваться в появление некоего международного сообщества, отношения между участниками которого будут теснее и доверительнее, чем их отношения с другими странами. Но сначала необходимо не допустить формирования в «Большой Евразии» новой многополярности с соперничающими или даже просто конкурирующими центрами силы [2].

Альтернативное партнерство

По нашему мнению, «Большая Евразия» может стать экономическим мегапартнерством, но особого типа. Мы бы назвали его гибридным (смешанным) мегапартнерством, которое предполагает различные пути развития интеграционных процессов без формирования общих правил для всего макрорегиона.

В частности, можно отметить следующие направления трансрегионализации в рамках «Большой Евразии»:

1) развитие общей транспортной инфраструктуры;

2) реализацию других инвестиционных проектов в экономике, представляющих общий интерес;

3) снятие административных барьеров и более глубокую либерализацию торгового и инвестиционного сотрудничества, в том числе путем создания двусторонних и многосторонних ЗСТ и зон свободных инвестиций;

4) создание совместных финансовых институтов и т. п.

Некоторые из этих направлений уже реализуются на практике или намечаются государствами мегарегиона.

Многое в становлении большого евразийского партнерства будет зависеть от взаимодействия ЕАЭС и Китая. Дело в том, что Китай не только выступает серьезной объединительной силой в Азиатском регионе, но и активно стремится расширить свое политическое и экономическое влияние в Европе. При этом экономическое доминирование Китая быстро усиливается в постсоветских государствах Центральной Азии. Здесь большое значение будет иметь не только заключение и реализация масштабного торгово-экономического соглашения между ЕАЭС, о котором говорилось выше, но и умное и активное подключение к проекту «Один пояс — один путь».

Собственно говоря, предложенная выше схема трансрегионализации «Большой Евразии» во многом повторяется в китайском проекте «Один

пояс – один путь». Однако в отличие от проекта «Большой Евразии» китайский проект имеет серьезную финансовую подпитку, прежде всего в виде Фонда Шелкового пути и Азиатского банка инфраструктурных инвестиций. Этот проект уже поддержали почти 60 стран и международных организаций [9].

Кроме того, для развития трансрегиональных интеграционных процессов в «Большой Евразии» большое значение имело бы стимулирование неформальной интеграции снизу в самых различных областях – торговля, связь, туризм, образование и т. п. На современном этапе именно эти связи становятся отличительной характеристикой нового этапа экономической глобализации.

Интеграция снизу не требует межгосударственного согласования, создания специальных надгосударственных институтов. Она основывается на экономических интересах, на инициативе отдельных акторов рынка и на неформальных связях, часто сетевого характера. Неформальная интеграция не предполагает определенной последовательности развития интеграционных процессов.

Уже сейчас наблюдается значительное усиление неформальной глобализации снизу, драйвером которой выступает потребительская глобализация. В свою очередь, материально-технической базой для глобализации потребления выступает Интернет и цифровизация. Если в 1995 г. было 15 млн пользователей Интернета (0,39% всех жителей Земли), в 2007 г. – 1,15 млрд (17,2%), то к июлю 2017 г. на-

считывалось 3,89 млрд пользователей (51,7%) [14].

Цифровизация создает специфические цепочки поставок во всех секторах глобальной экономики, которые с минимальными издержками преодолевают трансграничные барьеры. Например, в конце 2015 г. у цифровых платформ Facebook, YouTube WhatsApp, WeChat число активных пользователей в месяц было выше 500 млн чел.

В настоящее время по каналам Интернета осуществляется до 12% международной торговли товарами и около 50% – торговли услугами. На платформе Facebook размещали информацию 50 млн мелких и средних предприятий (в 2013 г. было 25 млн, т. е. прирост за 2 года составил 100%), при этом 30% их потенциальных потребителей находятся за рубежом [13].

Как заявил президент Alibaba Group Майкл Эванс, в ближайшие 50–60 лет возникнет 60 млн предприятий малого и среднего бизнеса, которые будут работать через Интернет, и лидирующее место в мировой торговле перейдет к ним. По его словам, на смену этикеткам «Сделано в Китае» (России, Индии или США) придет этикетка «Сделано в Интернете» [3].

О развитии международных связей снизу свидетельствуют следующие данные. В 2016 г. международные поездки совершили 1,2 трлн чел., 361 млн чел. сделали покупки за рубежом по каналам Интернет-торговли, 244 млн чел. жили в странах, гражданами которых они не являются, число пользователей социальных сетей, у которых был по крайней мере один

иностранный «друг», составило 914 млн чел., 44 млн чел. работали on-line за рубежом, 13 млн студентов обучалось online и 5 млн непосредственно в зарубежных университетах [12].

Именно развитие подобных неформальных потребительских связей станет основой для дальнейшего прогресса трансрегионализации «Большой Евразии».

Список литературы

1. База данных ВТО [Электронный ресурс]. URL: www.wto.org
[Baza dannyh VTO [Jelektronnyj resurs]. URL: www.wto.org]
2. *Бордачев Т.* Большая Евразия в «Век Индии» [Электронный ресурс]. URL: <http://ru.valdaiclub.com/a/highlights/bolshaya-evraziya-vek-indii/>
[*Bordachev T.* Bol'shaya Evraziya v «Vek Indii» [Jelektronnyj resurs]. URL: <http://ru.valdaiclub.com/a/highlights/bolshaya-evraziya-vek-indii/>]
3. *Гатинский А.* Глава Alibaba Group предсказал появление этикеток «Сделано в Интернете» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.rbc.ru/business/19/10/2017/59e8d1449a7947019b6fe82c?from=mainht>
[*Gatinskij A.* Glava Alibaba Group predskazal poyavlenie ehtiketok «Sdelano v internete» [Jelektronnyj resurs]. URL: <http://www.rbc.ru/business/19/10/2017/59e8d1449a7947019b6fe82c?from=mainh>]
4. Китай предложил создать зону свободной торговли в рамках ШОС [Электронный ресурс]. URL: <http://www.interfax.ru/business/484977>
[Kitaj predlozhlil sozdat' zonu svobodnoj trgovli v ramkah SHOS [Jelektronnyj resurs]. URL: <http://www.interfax.ru/business/484977>]
5. *Латухина К.* Компас победителей [Электронный ресурс]. URL: <https://rg.ru/2016/06/19/reg-szfo/vladimir-putin-proekt-bolshoj-evrazii-otkryt-i-dlia-evropy.html>
[*Latuhina K.* Kompas pobeditelej [Jelektronnyj resurs]. URL: <https://rg.ru/2016/06/19/reg-szfo/vladimir-putin-proekt-bolshoj-evrazii-otkryt-i-dlia-evropy.html>]
6. Территориальное применение – пограничная торговля – таможенные союзы и зоны свободной торговли [Электронный ресурс]. URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=INT;n=16302>
[Territorial'noe primenenie – pogranchnaya trgovlya – tamozhennye soyuzu i zony svobodnoj trgovli [Jelektronnyj resurs]. URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=INT;n=16302>]
7. *Толорая Г.* Пилотный проект «Большого Евразийского партнерства» // Мир перемен. 2017. №1. С. 169.
[*Toloraya G.* Pilotnyj proekt «Bol'shogo Evrazijskogo partnyorstva». Mir peremen. 2017. №1. S. 169]

8. Хейфец Б. Трансрегионализация глобального экономического пространства // Общество и экономика. 2016. № 6. С. 19–42.

[Hejfec B. Transregionalizacija global'nogo ehkonomicheskogo prostranstva // Obshchestvo i ehkonomika. 2016. № 6. S. 19–42.]

9. Хейфец Б. Экономический пояс Шелкового пути – новая модель привлекательного экономического партнерства для ЕАЭС // Проблемы Дальнего Востока. 2016. № 5.

[Hejfec B. EHkonomicheskij pojas SHelkovogo puti – novaya model' privlekatel'nogo ehkonomicheskogo partnyorstva dlya EAEHS // Problemy Dal'nego Vostoka. 2016. № 5.]

10. Balassa B. The Theory of Economic Integration. Illinois: R.D. Irwin Inc. 1961.

11. EU-Japan Economic Partnership Agreement // URL: <https://www.jdsupra.com/legalnews/eu-japan-economic-partnership-agreement-99180/>

12. European Commission (2017). Reflection Paper on Harnessing Globalization. 10 May. P. 7; UNCTAD (2017) Digitalization, Trade and Development. Information Economy Report. P. 16.

13. MGI (2016) Digital globalization: The new era of global flow. McKinsey. March. P. 7.

14. World Internet Users and 2017 Population Stats // URL: <http://www.internetworldstats.com/stats.htm>

УДК 339.92

Д. ПАХОЛКИН,

старший преподаватель кафедры
общегуманитарных
и естественно-научных дисциплин
Международного юридического
института
e-mail: dpakholkin@yandex.ru

D. PAKHOLKIN,

Senior lecturer of the department
general humanities
and science disciplines
International Law Institute

Ключевые слова:

интеграция, конкуренция,
Европейский союз,
«Восточное партнерство»,
европейские ценности, идентичность,
нормативность, ассоциация,
зона свободной торговли

Keywords:

integration, competition,
the European Union,
the Eastern Partnership,
European values, identity,
normative nature,
association,
free trade area

ПРЕИМУЩЕСТВА И НЕДОСТАТКИ «ВОСТОЧНОГО ПАРТНЕРСТВА» ЕС В ИНТЕГРАЦИОННОЙ КОНКУРЕНЦИИ НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

В статье рассматриваются преимущества и недостатки программы «Восточное партнерство» Европейского союза в конкуренции с евразийским интеграционным проектом. Автор доказывает, что основным преимуществом «Восточного партнерства» выступала его нормативно-ценностная основа, позволяющая увязать участие в данной программе с утверждением европейской идентичности стран-участниц. В то же время недостатками «Восточного партнерства» являлись слабость его интеграционного наполнения, недостаточная гибкость и повышенная зависимость от внутривнутриполитического контекста стран-участниц.

THE ADVANTAGES AND SETBACKS OF THE EU EASTERN PARTNERSHIP PROGRAMME IN COMPETITION IN THE POST-SOVIET SPACE

The article explores advantages and setbacks of the EU «Eastern Partnership» programme in its competition with the Eurasian integration project. The author argues that the «Eastern Partnership» key advantage consisted in its normative value-based nature enabling the linking of participation in it with asserting the European identity of the participant states. At the same time the EaP's setbacks included weakness of its practical integration substance, insufficient flexibility and excessive dependence on the domestic political context of the participant states.

С середины 2000-х годов на пространстве СНГ, особенно в западной его части, нарастала сначала негласная, а впоследствии публичная конкуренция между европейским и евразийским интеграционными проектами, выраженными, соответственно, в Европейской политике соседства (ЕПС) и программе «Восточное партнерство» (ВП), с одной стороны, и механизмах Таможенного /Евразийского экономического союза – с другой. С самого начала между данными проектами как в концептуальном, так и в практическом плане наблюдалась значительная степень асимметрии. ЕПС и «Восточное партнерство» представляли собой модель так называемой «мягкой интеграции», т. е. подключения восточных соседей Евросоюза к евроинтеграционным процессам путем проекции на них значительной части регуляторных норм ЕС, формирования двусторонних углубленных и всеобъемлющих зон свободной торговли и включения в общее энергетическое пространство ЕС. С этой точки зрения «Восточное

партнерство» выступало вторичным интеграционным механизмом, производным от состояния интеграции в Евросоюзе, его политической воли и практической готовности включать третьи страны в свой ареал. Тогда как ТС/ЕАЭС являлся самостоятельным интеграционным проектом, нацеленным на становление полноценного экономического объединения с общим рынком и четырьмя экономическими свободами.

Но несмотря на подобную институциональную асимметрию, между двумя проектами развернулась прямая конкуренция за включение стран СНГ, ставшая триггером наиболее острого в постбиполярный период военно-политического кризиса в Европе. Одним из итогов этого кризиса стало подписание Евросоюзом соглашений об ассоциации с тремя странами Восточной Европы – Украиной, Молдавией и Грузией и включение их в описанный механизм «мягкой интеграции» в полном объеме. Это означает, что модель «мягкой интеграции» при всей

своей вторичности обладает преимуществами, позволяющими успешно конкурировать с более полновесным и экономически обоснованным проектом евразийской интеграции. Вместе с тем подобный результат нельзя назвать оптимальным для «Восточного партнерства», поскольку принятия его нормативного подхода во всем пространстве СНГ, включая Россию, на которое эта программа была рассчитана изначально, не произошло [6]. Также вместо заявленной цели стабилизации восточного соседства и снижения его конфликтогенного потенциала «Восточное партнерство» привело к возникновению новых очагов конфликтности в регионе, что свидетельствует о наличии серьезных дефектов в его конструкции. Оценка преимуществ и недостатков «Восточного партнерства» и других форматов «мягкой интеграции», используемых Евросоюзом на пространстве СНГ, является целью данной статьи.

Актуальность этой задачи обусловлена, среди прочего, тем обстоятельством, что в отечественной литературе с самого начала доминировали поляризованные и недостаточно объективные взгляды на форматы ЕПС и «Восточного партнерства» и их способность составлять конкуренцию механизмам евразийской интеграции. С одной стороны, происходила явная идеализация европейской социально-экономической модели и ее политической привлекательности для постсоветских обществ, вследствие чего Европейский союз априори считался лидером любой интеграционной

конкуренции в СНГ, независимо от конкретного формата его политики. А с другой стороны, наблюдалось не менее явное нивелирование интеграционного потенциала и политических преимуществ «Восточного партнерства» ввиду того, что ЕС сейчас не может и не желает предлагать восточным соседям перспективу полноценного членства и включать их в свое объединение на полноправной основе, поэтому особой угрозы для евразийской интеграции от «Восточного партнерства» не исходит. Если вторая точка зрения преобладала на начальной стадии становления данной программы, то первая приобрела популярность на исходе кризиса на Украине 2014 г., постфактум предоставляя убедительное объяснение итогам данного кризиса и их мнимой неизбежности в силу изначальной привлекательности Европейского союза как цивилизационной модели.

Обе точки зрения не совсем адекватно отражают реальную картину, гиперболизируя либо преимущества, либо недостатки «Восточного партнерства» и не позволяя сформировать эффективную стратегию конкуренции со стороны евразийских структур.

Сейчас, по прошествии почти десятилетия с момента запуска «Восточного партнерства», мы можем проанализировать его сильные и слабые стороны в интеграционной конкуренции в пространстве СНГ и оценить их не в гипотетической плоскости, а в плоскости тех реальных результатов, которые были достигнуты за прошедшие годы.

«Украинский пакет» в основе «Восточного партнерства»

Инициирование «Восточного партнерства» само по себе стало одним из поворотных моментов в становлении конкуренции интеграционных проектов в пространстве СНГ как таковой. Если Европейская политика соседства была ориентирована на становление отношений добрососедства как отдельного формата взаимодействия с внешними партнерами (о чем говорилось даже в проекте Европейской конституции), то «Восточное партнерство» фактически переносило на постсоветскую почву в несколько видоизмененном варианте модель отношений, сложившуюся у Евросоюза с постсоциалистическими странами Центрально-Восточной Европы в первой половине 90-х годов, что само по себе повышало степень потенциального политического присутствия и практического вовлечения ЕС в дела восточного соседства.

Немалую роль в этом сыграли перипетии взаимоотношений Евросоюза и Украины, ставших моделью для формата «Восточного партнерства». Именно администрация В. Ющенко накануне начала переговоров о новом базовом соглашении на смену Соглашению о партнерстве и сотрудничестве 1994 г. выдвинула формулу политической ассоциации и экономической интеграции в качестве его концептуальной основы¹. При этом под политической ассоциацией

украинская сторона подразумевала в первую очередь предоставление перспективы членства в евроинтеграционном объединении, а под экономической интеграцией – включение в общий рынок ЕС с распространением четырех свобод. Европейская сторона восприняла эту формулу положительно, наполнив ее несколько иным содержанием: вместо перспективы членства на первый план выходило признание европейской идентичности и европейских устремлений Киева, а вместо включения в общий рынок – углубленная и всеобъемлющая зона свободной торговли, предполагающая ликвидацию не только тарифных, но и нетарифных барьеров на пути движения товаров и услуг.

Кроме того, Киев упорно отказывался принимать статус нового базового соглашения как соглашения о соседстве, лоббируя предоставление ему статуса соглашения об ассоциации по аналогии с документами, подписанными ЕС со странами ЦСЕ в первой половине 1990-х годов. И хотя, по свидетельствам очевидцев, руководство Германия намеревалось прибегнуть к этой уступке до финальной стадии переговоров, дабы преподнести ее как равноценную замену перспективы членства, президент председательствующей в тот период в ЕС Франции Николя Саркози, в качестве политического жеста анонсировал

¹ См., например: Ющенко: Украина надеется на дальнейшую поддержку Европарламента // Подробности. 2008. 2 октября. [Электронный ресурс]. URL: <http://podrobnosti.ua/558677-juschenko-ukraina-nadeetsja-na-dalnejshuju-podderzhku-evroparlamenta.html>

предоставление новому соглашению с Украиной статус соглашения об ассоциации на саммите Украина – ЕС в сентябре 2008 г. [5] При этом и сам Саркози и многие представители коммунитарных структур подчеркивали, что новое соглашение будет устанавливать наиболее амбициозный уровень сотрудничества, на который когда-либо шел Евросоюз с третьими странами. Эта формулировка во многом была сугубо символической и была призвана компенсировать неготовность европейских лидеров к предоставлению Украине перспективы членства, но вместе с тем она создавала иллюзию готовности ЕС к далекому идущему сближению с Украиной.

Еще одной немаловажной для будущего «Восточного партнерства» деталью стал отказ Киева рассматривать возможность раздельного подписания политической и экономической частей соглашения. Хотя с европейской стороны подобные предложения звучали как минимум дважды – в конце каденции В. Ющенко и сразу после избрания В. Януковича, – украинский МИД был твердо нацелен на подписание единого «пакетного» документа с максимально строгими обязательствами для украинской стороны в плане

имплементации европейских норм и стандартов [24].

Неудивительно, что на момент выдвижения польско-шведской инициативы о «Восточном партнерстве» у Евросоюза не было иной модели взаимоотношений с восточными соседями, нежели та, что постепенно формировалась на украинском треке, причем во многом под влиянием политических запросов Киева, нежели заранее выработанного стратегического плана Евросоюза [22]. Эту модель он распространил в качестве желаемого образца и стимула для всех шести стран «Восточного партнерства», дополнив ее региональным измерением в виде четырех тематических платформ и шести флагманских инициатив. Украинское правительство отнеслось к подобному распространению его модели отношений с ЕС неодобрительно, считая, что это лишает его эксклюзивности как государства с европейской идентичностью и признанными евроинтеграционными амбициями. Однако с точки зрения европейских лидеров, такой шаг повышал его политическое присутствие в восточном соседстве и позволял структурировать отношения со странами-участницами на базе четко определенных стимулов и приоритетов.

Нормативно-ценностная платформа как ключевое преимущество «Восточного партнерства»

Стартовые характеристики «Восточного партнерства» обусловили его преимущества и недостатки в интеграционной конкуренции с евразийским объединением. Прежде всего, как и Европейская политика

соседства, «Восточное партнерство» имело нормативную направленность. Его ключевым инструментом являлась проекция норм и правил Европейского союза в пространстве восточного соседства, и, что самое

главное, нормативность «Восточного партнерства» имела эксклюзивный характер: возможностей сближения с ЕС вне нормативной повестки дня данный формат не допускал. Партнеры, на словах, могли выбирать желаемый уровень сотрудничества с евроинтеграционным объединением, но все равно были обязаны принять соответствующие этому уровню нормативные обязательства [19]. Вариант абстрагирования от нормативной плоскости и развития сотрудничества на сугубо прагматической основе в отношениях с восточными соседями отбрасывался. Причем это касалось не только участников «Восточного партнерства», но и России: выдвинутая европейской стороной в 2010 г. инициатива «Партнерство для модернизации» представляла собой попытку применить к отношениям с Российской Федерацией адаптированную версию нормативной модели ЕПС. Более того, взяв за основу «украинский пакет» в качестве единого шаблона для всех шести стран «Восточного партнерства», Евросоюз тем самым увязал вопросы нормативного влияния и экономической интеграции, не предоставив возможностей странам, стремящимся к сотрудничеству с ЕС, но участвующим в иных интеграционных проектах, выработать более гибкие форматы взаимодействия.

Нормативное воздействие в рамках восточной политики Европейского союза опиралось на три взаимосвязанные дискурсивные «точки опоры», обеспечивающие его легитимность: европейскую идентичность, нормативно-ценностную ориентацию и

трансформационную направленность. Евросоюз намеренно позиционировал себя как монопольного обладателя европейской идентичности, который вправе признавать или не признавать европейскую идентичность третьих стран в соответствии с собственными критериями «европейскости». Также в документах ЕПС и «Восточного партнерства» декларировалось, что политика ЕС в восточном соседстве направлена в первую очередь на утверждение в этом пространстве принципов и ценностей, ассоциируемых с европейской идентичностью и социально-экономической моделью, а основной целью этой политики является стабилизация сопредельных государств путем стимулирования их европеизации – трансформации общественно-политического устройства в сторону приближения к европейским ценностям [1]. Эта триада «европейская идентичность – европейские ценности – европеизация» составила аргументационную основу, с помощью которой проекция норм и стандартов ЕС представлялась объективной необходимостью и интересом самих стран восточного соседства, а Евросоюз предстал в качестве нормативно мотивированного игрока, исходящего в своем поведении из ценностных соображений, а не из соображений геополитической экспансии или практической утилитарности [21]. Тем самым обосновывалась претензия на априорное моральное превосходство Евросоюза как «силы, действующей во благо» [10], по сравнению с другими, более эгоистичными и менее ценностно мотивированными акторами в

международной системе. Более того, при таком подходе Евросоюз получал право выступать в своем восточном соседстве в качестве морального авторитета и незаангажированного арбитра в отношении как внутривосточных процессов в соседних странах, так и их взаимодействий друг с другом.

При этом функции, связанные непосредственно с генерированием норм, мониторингом их имплементации в третьих странах и санкциями за их нарушение, нередко передавались отдельным международным структурам, либо специальным органам ЕС, либо неправительственным организациям. Так, массив базовых политических норм фактически был отдан на откуп Совету Европы, соблюдение стандартов избирательного процесса осуществляло Бюро по демократическим институтам и правам человека ОБСЕ, в экономической и финансовой сферах зачастую шла отсылка к требованиям МВФ или ВТО, выполнение которых часто фигурировало в качестве прелиминарного условия для сотрудничества с третьими странами, в сфере прав человека ЕС нередко опирался на оценки известных неправительственных организаций, таких как Human Rights Watch и Amnesty International. Отдельного упоминания в этом контексте заслуживает деятельность европейских парламентских структур: Европарламента, Парламентской ассамблеи Совета Европы, Парламентской ассамблеи ОБСЕ, используемых для продвижения нужных нормативных установок от имени как бы представительского, незаангажированного органа.

Тем не менее, нормативная направленность выступала ключевым преимуществом «Восточного партнерства» и других форматов «мягкой интеграции» Европейского союза в конкуренции с евразийским интеграционным проектом. В то время как ЕС акцентировал ценностную основу своих инициатив в восточном соседстве и задачи его политической трансформации, евразийские интеграционные механизмы строились главным образом на дискурсе о возможных практических выгодах интеграции для их участников и не содержали требований относительно их политико-институциональной трансформации. Сторонники евразийского проекта могли критиковать ЕС за стремление включить страны Восточной Европы в свою сферу влияния [7], но не могли противопоставить ему своей ценностной платформы, которая бы позволяла проецировать нормативную силу в том же объеме, что и «Восточное партнерство».

Если исходить из рациональных соображений и соотношения практических выигрышей и затрат, евразийская интеграция предоставляла участвующим государствам более выгодные и менее обременительные условия участия, позволяя им сохранять значительную часть национального суверенитета и свободы действий во внутренней и внешней политике. Однако в конкуренции с ценностно ориентированным дискурсом Евросоюза это не только не принесло желаемых результатов, но и оказалось серьезным недостатком ТС/ЕАЭС. Задействуя идентификационную и ценностную

риторику, ЕС способствовал формированию и мобилизации в странах «Восточного партнерства» влиятельных общественных групп, для которых европейская интеграция выступала самоценностью вне зависимости от ее практического значения и экономических последствий для страны [12]. Это было во многом связано с заинтересованностью данных общественных групп в той трансформационной повестке дня, которую продвигал ЕС, и их расчетом на усиление своих политических позиций в результате реализации этой повестки. При этом те силы в постсоветских обществах, которые

были способны составить конкуренцию, как правило, немногочисленным проевропейским группам, не имели подобного статусного стимула, хотя они не менее своих проевропейских визави были заинтересованы в политических и институциональных преобразованиях, способных преодолеть структурные дефекты неэффективных постсоветских режимов. С точки зрения политической конкуренции и мобилизации общественной поддержки более требовательная нормативная линия ЕС оказалась эффективнее политически нейтрального «экономизма» евразийского проекта.

Проблемы с реализацией нормативной направленности «Восточного партнерства»

Однако и с нормативным аспектом у «Восточного партнерства» возникали серьезные проблемы [2]. Главным объектом критики со стороны значительной части академической среды и представителей гражданского общества стран восточного соседства выступала недостаточность заложенных в ЕПС и ВП стимулов, т. е. форматов и преимуществ, которые Евросоюз был готов предоставить восточным соседям «в награду» за выполнение его нормативных требований [11]. Камнем преткновения была, несомненно, перспектива членства, отсутствие которой среди предложенных стимулов, по мнению ряда экспертов, лишало соседние страны существенной части мотивации выполнять нормативные требования ЕС. «Восточное партнерство» было призвано решить эту проблему, предоставив восточным

соседям наиболее амбициозные стимулы, которые ЕС мог предложить на тот момент, помимо перспективы членства. Но в то же время европейские лидеры не особо стремились и к слишком тесной интеграции с этими странами. Интеграция как таковая с самого начала выступала в восточной политике ЕС лишь стимулом для побуждения нестабильных и неблагополучных соседей проводить необходимые преобразования. Поэтому интеграционное наполнение «Восточного партнерства» осталось весьма ограниченным и выражалось, по украинскому образцу, в виде предложения о создании углубленной и всеобъемлющей зоны свободной торговли. Этот механизм не означал полноценного включения соседних стран в общий рынок ЕС [8], но позволял Брюсселю наложить на них наиболее широкий

объем нормативных обязательств в части имплементации регулярных стандартов и адаптации принципов государственной экономической политики к нормам и правилам ЕС [4].

Проще говоря, «Восточное партнерство» не приводило к полномасштабному включению стран-участниц в европейский интеграционный проект, но в случае принятия предлагаемой им схемы закрепляло асимметричную модель отношений, где ЕС выступал генератором нормативных импульсов, а соседние страны — их реципиентами, превращало евроинтеграцию в магистральный фактор внутренней и внешней политики этих стран и блокировало их участие в других интеграционных проектах [3]. По замыслу, этого было вполне достаточно для выполнения той геополитической задачи, которая возлагалась на «Восточное партнерство» в рамках конкуренции с евразийским проектом.

Но как показали уже первые годы функционирования «Восточного партнерства», добиться подобного эффекта было весьма проблематично. И причиной этого была не столько недостаточность заложенных в нем интеграционных стимулов, сколько специфика внутривосточного контекста стран восточного соседства, от которого в первую очередь зависело принятие трансформационной повестки дня, продвигаемой ЕС [23]. Местные элиты охотно использовали евроинтеграционную риторику как инструмент укрепления своей власти и повышения собственного статуса в международном масштабе [9], однако не спешили полностью выполнять

все пожелания Брюсселя, нередко ссылаясь на конкуренцию со стороны евразийского проекта как препятствие на пути нормативной конвергенции [20]. При этом они не отвергали и не оспаривали подобную асимметричную конфигурацию отношений с ЕС и легитимность европейской нормативной модели как таковой. То есть те объективные политические и практические затраты, которые влекла за собой модель «Восточного партнерства», для местных обществ практически не артикулировались, а в некоторых случаях даже превозносились как необходимые и желательные для проведения коренных преобразований и преодоления структурных дефектов политико-институциональной системой.

Слабость нормативного влияния ЕС в рамках «Восточного партнерства» стала особенно заметна на примере уголовного дела против экс-премьер-министра Украины Юлии Тимошенко, осужденной осенью 2011 г. за превышение полномочий при подписании газовых контрактов с «Газпромом» вопреки возражениям со стороны Евросоюза. Именно под воздействием этого излишне политизированного дела [3], совпавшего с финализацией переговоров по соглашению об ассоциации с Украиной, Евросоюз, с одной стороны, начинает оказывать прямую поддержку оппозиционным политическим силам Украины, объявившим о своей проевропейской ориентации, а с другой — идя на поводу у этих сил, компенсирует слабость своего интеграционного проекта усилением риторики в духе

геополитического и цивилизационного выбора, перед которым якобы стоит Украина и другие восточные соседи ЕС в вопросе подписания ассоциации. Тем самым европейские лидеры усугубили интеграционную конкуренцию и фактически свели на нет возможность компромиссного решения порожденных ею противоречий. Подписание подготовленных соглашений об ассоциации с Украиной, Молдавией и Грузией без каких-либо изменений в тексте или новых переговоров стало рассматриваться как абсолютный императив и главный символ политической дееспособности ЕС в своем восточном соседстве. И если решение Армении отказаться от подписания ассоциации и вступить в евразийское объединение в сентябре 2013 г. не вызвало серьезных возражений со стороны европейских структур [13], решение правительства Украины двумя месяцами позже приостановить процесс подписания стало толчком для полномасштабного регионального политического кризиса.

Прогрессирующая геополитизация «Восточного партнерства» способствовала дальнейшей деградации его нормативного измерения. По мере того, как успех данной программы ассоциировался с приходом к власти в соседних странах «роевропейских» политических сил, объем нормативных требований к этим силам снижался, а явный их отход даже от базовых европейских ценностей едва получал какое-либо символическое осуждение [14]. Несмотря на то что ЕС предпринял две попытки радикальной ревизии Европейской политики соседства с

намерением усилить ее нормативную составляющую и прописать прямую связь между принятием норм и получением стимулов в виде принципа «большее за большее» [17], на практике ситуация оставалась прежней: геополитическая лояльность выступала индальгенцией в отношении невыполнения нормативных обязательств даже после подписания соглашения об ассоциации [3]. Аналогичным образом игнорировались и дестабилизирующие эффекты, исходящие от провокационной политики подобных политических сил, и их деструктивные последствия для региональной безопасности [19].

Таким образом, можно сделать вывод, что в конкуренции с евразийским интеграционным проектом «Восточное партнерство» обладало весомыми преимуществами, прежде всего спектром нормативных инструментов воздействия на местные элиты и общества соседних стран. Опираясь на дискурс о европейской идентичности и европейских ценностях и на привлекательность европейской социально-экономической модели, ЕС с помощью адресной политики сумел мобилизовать на поддержку своего интеграционного проекта ряд общественных групп, связывающих свои политические ожидания с реализацией продвигаемой Евросоюзом трансформационной повестки дня. Используя данные инструменты, европейские функционеры целенаправленно легитимизировали собственный интеграционный проект, объективно более затратный для стран СНГ, и делегитимизировали евразийский про-

ект как якобы противоречащий той ценностной основе, которая необходима для успешного реформирования постсоветских режимов.

Вместе с тем ряд существенных недостатков ограничивал политический потенциал «Восточного партнерства».

Во-первых, слабость его реального интеграционного наполнения и ограниченность тех реальных практических выгод, которые могли получить соседние страны от участия в «Восточном партнерстве» и предлагаемой им зоне свободной торговли. Компенсировать эту слабость функционерам Европейского союза пришлось за счет усиления геополитической и цивилизационной риторики и противопоставления предлагаемых ими форматов «мягкой интеграции», якобы диаметрально противоположной, антагонистичной евразийской модели. Это привело к тому, что геополитическая лояльность и наличие условно проевропейских сил у власти в странах «Восточного партнерства» частично затмила нормативные задачи и ту трансформационную повестку дня, реализация которой провозглашалась основной целью «Восточного партнерства». Тем не менее с точки зрения интеграционной конкуренции такая тактика оказалась вполне выигрышной и позволила ЕС одержать тактическую победу, пусть и ценой усиления общей геополитической напряженности на континенте.

Во-вторых, недостаток гибкости и отсутствие концептуальных рамок для сотрудничества со странами, не готовыми принять нормативную гегемонию ЕС или участвовать в его

интеграционном проекте. После того, как в 2014 году были подписаны соглашения об ассоциации с Украиной, Молдавией и Грузией, Евросоюзу пришлось преодолевать этот недостаток и выработать новые механизмы нормативного влияния за рамками «Восточного партнерства» для тех стран, которые участвовали в евразийском объединении. Тот факт, что новые соглашения ЕС с Казахстаном и Арменией содержат значительный нормативный компонент [15], указывает на то, что Европейский союз может выработать оптимальные форматы взаимодействия со странами – участницами ЕАЭС, не вступая в конфликт с их интеграционными преференциями. Это означает, что интеграционная конкуренция как таковая не исчерпала себя и принимает новые формы, пусть и не настолько острые, как в 2013–2014 гг.

В-третьих, зависимость от внутривосточного контекста стран восточного соседства. Поскольку восточная политика Евросоюза в целом была направлена на стимулирование желаемых внутренних перемен в соседних странах, ЕС неизбежно становился участником их внутривосточных процессов, возможно, в большей степени, нежели хотели его лидеры. Отсутствие должного опыта в этой сфере приводило к тому, что евроинтеграция зачастую превращалась в инструмент манипуляции со стороны тех политических сил, которые заявляли о своей проевропейской ориентации. Как показала практика, этот недостаток тоже не является для «Восточного партнерства» фатальным:

договорные рамки соглашений об ассоциации и механизмы вовлечения ЕС в процессы управления сконструированы таким образом, что позволяют поддерживать нужную степень влияния даже в условиях серьезных внутривнутриполитических пертурбаций в соседних странах и падения доверия к европейской интеграции в местных обществах.

Из этого можно заключить, что главным преимуществом Европейского союза в интеграционной конкуренции с

евразийским проектом в пространстве СНГ является его способность исправлять имеющиеся недостатки своей модели, усиливая ее политическую и практическую эффективность. Благодаря этой способности ЕС удалось реализовать основные задачи «Восточного партнерства» в условиях жесткой конкуренции с ТС/ЕАЭС и вовлечь в свой интеграционный проект ключевые страны восточного соседства даже без предоставления им перспективы полноценного членства.

Список литературы

1. *Бабынина Л.* ЕС и Россия: конкуренция за постсоветское пространство? [Электронный ресурс]. URL: <http://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/es-i-rossiya-konkurenciya-za-postsovetskoe-prostranstvo/>

[*Babynina L.* ES i Rossiya: konkurenciya za postsovetskoe prostranstvo? [Электронный ресурс]. URL: <http://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/es-i-rossiya-konkurenciya-za-postsovetskoe-prostranstvo/>]

2. *Донич Т.Г.* Сила и слабость нормативной базы Европейского союза (на примере реализации программы «Восточное партнерство») // *Обозреватель-Observer*. 2017. № 12. С. 44–54.

[*Donich T.G.* Sila i slabost' normativnoj bazy Evropejskogo soyuza (na primere realizacii programy «Vostochnoe partnerstvo») // *Obozrevatel'-Observer*. 2017. № 12. С. 44–54]

3. *Колтон Т., Чаран С.* Победителей нет: украинский кризис и разрушительная борьба за постсоветскую Евразию [Электронный ресурс]. URL: http://globalaffairs.ru/media/docs/charap_book_read.pdf

[*Kolton T., Charap S.* Pobeditelej net: ukrainskij krizis i razrushitel'naya bor'ba za postsovetskuyu Evraziyu [Электронный ресурс]. URL: http://globalaffairs.ru/media/docs/charap_book_read.pdf]

4. *Косикова Л.С.* Восточное партнерство Евросоюза со странами СНГ и интересы России // *Россия и современный мир*. 2012. № 1. С. 171–190.

[*Kosikova L.S.* Vostochnoe partnerstvo Evrosoyuza so stranami SNG i interesy Rossii // *Rossiya i sovremennij mir*. 2012. № 1. С. 171–190]

5. *Манжолa В.А., Шаповалова О.І.* Французькі пропозиції щодо нової угоди між Україною та Європейським Союзом: унікальний шанс чи політичний реверанс? // *International Review*. 2008. № 2. С. 35–42.

[*Manzhola V.A., Shapovalova O.I.* Francuz'ki propozicii shchodo novoi ugodi mizh Ukrainoyu ta Evropejs'kim Soyuzom: unikal'nij shans chi politichnij reverans? // *International Review*. 2008. № 2. S. 35–42]

6. *Пахолкин Д.А.* Структурные факторы конкуренции между Россией и Европейским союзом в пространстве Восточной Европы // *Современное общество и право*. 2017. № 6. С. 108–116.

[*Paholkin D.A.* Strukturnye faktory konkurencii mezhdru Rossiej i Evropejskim soyuzom v prostranstve Vostochnoj Evropy // *Sovremennoe obshchestvo i pravo*. 2017. № 6. S. 108–116]

7. Стенограмма выступления и ответов на вопросы СМИ министра иностранных дел России С. Лаврова по итогам пленарного заседания Постоянного совета партнерства Россия – ЕС. Люксембург, 28 апреля 2009 г. [Электронный ресурс]. URL: http://www.mid.ru/vistupleniya_ministra/-/asset_publisher/MCZ7HQuMdqBY/content/id/296298

[Stenogramma vystupleniya i otvetov na voprosy SMI ministra inostrannyh del Rossii S. Lavrova po itogam plenarnogo zasedaniya Postoyannogo soveta partnerstva Rossiya – ES. Lyukseburg, 28 aprelya 2009 g. [Ehlektronnyj resurs]. URL: http://www.mid.ru/vistupleniya_ministra/-/asset_publisher/MCZ7HQuMdqBY/content/id/296298]

8. *Шептицкий А.* Углубленная зона свободной торговли с ЕС – шансы и вызовы для Украины // *Европа (журнал Польского института международных дел)*. 2008. № 3. С. 107–142.

[*SHeptickij A.* Uglublennaya zona svobodnoj trgovli s ES – shansy i vyzovy dlya Ukrainy // *Evropa (zhurnal Pol'skogo instituta mezhdunarodnyh del)*. 2008. № 3. S. 107–142]

9. *Ademmer E., Delcour L., Wolezduk K.* Beyond geopolitics: exploring the impact of the EU and Russia in the «contested neighborhood» // *Eurasian Geography and Economics*. 2016. Vol. 57. №. 1. P. 1–18.

10. *Barbé E., Johansson-Nogués E.* The EU as a modest «force for good»: the European Neighbourhood Policy // *International Affairs*. 2008. Vol. 84. No. 1. P. 81–96.

11. *Bechev D.* Of power and powerlessness: The EU and its neighbours // *Comparative European Politics*. 2011. Vol. 9. №. 4/5. P. 414–431.

12. *Börzel T.A.* When Europe hits... beyond its borders: Europeanization and the near abroad // *Comparative European Politics*. 2011. Vol. 9. №. 4/5. P. 394–413.

13. *Burlyuk O., Shapovalova N.* «Veni, vidi, ... vici?» EU performance and two faces of conditionality towards Ukraine // *East European Politics*. 2017. Vol. 33. №. 1. P. 36–55.

14. *Delcour L.* «You can lead a horse to water, but you can't make it drink»: the EU's and Russia's intersecting conditionalities and domestic responses in Georgia and Moldova // *European Politics and Society*. 2018.

15. *Delcour L., Kostanyan H., Vandecasteele B., van Elsuwege P.* The Implications of Eurasian Integration for the EU's Relations with the Countries in the post-Soviet space // *Studia diplomatica*. 2015. Vol. 68. №. 1. P. 5–33.

16. European Commission. A new response to a changing Neighbourhood. Joint communication to the European Parliament, the Council, the European Economic and Social Committee and the Committee of the Regions. [Electronic resource]. URL: <https://>

eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:52011DC0303&qid=1527346147393&from=EN

17. European Commission. Delivering on a new European Neighbourhood Policy. Joint communication to the European Parliament, the Council, the European Economic and Social Committee and the Committee of the Regions. [Electronic resource]. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:52012JC0014&from=EN>

18. European Commission. Review of the European Neighbourhood Policy. Joint communication to the European Parliament, the Council, the European Economic and Social Committee and the Committee of the Regions. Brussels, 2015. 18 November. [Electronic resource]. URL: http://eeas.europa.eu/archives/docs/enp/documents/2015/151118_joint-communication_review-of-the-enp_en.pdf

19. *Forsberg T., Haukkala H.* An Empire Without an Emperor? The EU and Its Eastern Neighbourhood // Policy Design in the European Union. An Empire of Shopkeepers in the Making? / R. Heiskala, J. Aro (eds.). Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2018. P. 253–275.

20. *Gnedina E.* «Multi-Vector» Foreign Policies in Europe: Balancing, Bandwagoning or Bargaining? // Europe – Asia Studies. 2015. Vol. 67. №. 7. P. 1007–1029.

21. *Haukkala H.* The European Union as a Regional Normative Hegemon: The Case of European Neighbourhood Policy // Europe – Asia Studies. 2008. Vol. 60. №. 9. P. 1601–1622.

22. *Korosteleva E.* The Eastern Partnership Initiative: A New Opportunity for Neighbours? // Journal of Communist Studies and Transition Politics. 2011. Vol. 27. №. 1. P. 1–21.

23. *Langbein J.* (Dis-)integrating Ukraine? Domestic oligarchs, Russia, the EU, and the politics of economic integration // Eurasian Geography and Economics. 2016. Vol. 57. №. 1. P. 19–42.

24. *Langbein J., Wolczuk K.* Convergence without membership? The impact of the European Union in the neighbourhood: evidence from Ukraine // Journal of European Public Policy. 2012. Vol. 19. №. 6. P. 863–881.

УДК 339.7

Г. ПАНОВА,

доктор экономических наук, профессор,
заведующая кафедрой
«Банки, денежное обращение и кредит»
МГИМО МИД России
e-mail: gpanova@mail.ru

G. PANOVA,

Doctor of economics, professor,
Chair of the Department of Banks,
Monetary Circulation and Credit,
Moscow State Institute
of International Relations

Ключевые слова:

национальные валюты,
международное экономическое
и финансовое сотрудничество,
страна – партнер

Keywords:

the national currency,
the international economic
and financial cooperation,
the country – partner

ФИНАНСОВАЯ ИНТЕГРАЦИЯ СТРАН ЕАЭС – ШОС

В статье дан анализ развития международных отношений стран ЕАЭС – ШОС на основе расширения использования национальных валют и обоснована необходимость реализации экономических программ, представляющих взаимный интерес.

Исследованы проблемы развития сотрудничества стран – партнеров в валютной сфере и представлена дискуссия о перспективах введения единой валюты в ее классическом виде на основе использования коллективной криптовалюты.

FINANCIAL INTEGRATION OF THE COUNTRIES OF EAEC – SCO

The article provides an analysis of the development of international relations of the EEMA – SCO based on expanding the use of national currencies and the necessity of implementing economic programs of mutual interest. Problems of development cooperation partners countries in monetary cooperation and presents a discussion on the prospects for the introduction of a single currency in its classic form, based on the use of collective digital currencies.

Постановка проблемы

Вопрос о финансовой интеграции стран – членов ЕАЭС – ШОС в современных условиях рассматривается нами исключительно как перспективное направление взаимодействия на финансовых рынках.

Для анализа современной ситуации на рынках, проводимой странами денежно-кредитной, финансовой, банковской политики, целесообразно оценить необходимость и предпосылки подобного рода интеграции. Вопрос формирования единого пла-

тежного пространства стран ЕАЭС – ШОС можно рассматривать как долгосрочную перспективу. Однако факторы взаимодействия в этой сфере наблюдаются уже сегодня.

Первым этапом в этом направлении можно считать развитие расчетов в национальных валютах стран ЕАЭС. Анализ их проведения позволил выявить ряд барьеров (табл. 1). Для ответа на вопрос о возможности преодолеть существующие барьеры обратимся к современной теории и практике.

Дискуссия о введении единой валюты в странах ЕАЭС

Вопрос о введении единой валюты в странах ЕАЭС имеет сторонников и противников. Одна группа экономистов справедливо полагает, что Россия имеет крупнейшую экономику в ЕАЭС и исторически во всех странах, которые в настоящее время входят в состав объединения, основной валютой был советский рубль, что дает основания предлагать ввести в этих странах российский рубль в качестве национальной валюты; либо по аналогии со скандинавской моделью национальные валюты этих стран могут следовать в его фарватере или «привязываться» к рублю (как, например, крона к евро), т. е. расчеты в этих и между этими странами осуществляются в рублях, кредиты предоставляются в рублях и т. д. Например, А. Кнобель и А. Миرون считают, что в последнее время на пространстве СНГ все активнее развиваются собственные интеграционные процессы, и одним из возможных и

логичных вариантов дальнейшего их развития может стать создание валютного союза некоторыми странами – членами содружества [5].

Другая группа экономистов считает, что создание единой валюты ЕАЭС – потеря времени и средств в силу серьезных различий макроэкономического плана, слабой координации денежно-кредитной политики стран–членов объединения и др. Например, по мнению О.В. Буториной, общая экономическая политика необходима, чтобы сформировать единое экономическое пространство, в рамках которого компании и население имели бы идентичные условия для хозяйственной деятельности. Для этого нужна единая денежно-кредитная политика и единая валюта. Вместе с тем единая валюта не может существовать, если темпы инфляции и процентные ставки в странах валютного союза будут значительно отличаться. Эта проблема решается за счет проведения

Таблица 1

Основные препятствия на пути региональной интеграции

Экономика стран (национальный и наднациональный уровень)	Финансовые рынки	Сфера национального и наднационального законодательства
<p>Низкая диверсификация внешней торговли (товары, направления); асимметрия макроэкономических шоков; небольшое количество межстрановых проектов; высокие транзакционные издержки; недостаточная согласованность макроэкономической политики; офшорные схемы финансирования операций; недостаточные мотивационные механизмы для замены действующих инструментов расчетов (доллары США и др.)</p>	<p>Низкая емкость финансовых рынков (низкая ликвидность, высокие спреды); отсутствие сегментов, позволяющих снизить транзакционные издержки (хеджирование, ПФИ); инфраструктура финансового рынка: различия в технологиях торговых систем и бирж, недостаточное развитие инфраструктуры финансового рынка и платежных систем в национальных валютах. Структурные диспропорции финансового сектора неустойчивость рынков; дополнительные расходы по сравнению с СКВ: привлечение средств на поддержание остатков на корсчетах, дополнительные расходы на оплату услуг банков-контрагентов, необходимость поиска банков-контрагентов для проведения операций, более высокие транзакционные издержки при открытии счетов в банках-резидентах государств – членов ЕАЭС по сравнению с аналогичными процедурами в развитых странах, недостаточность информации о возможности расчетов в национальных валютах, невыгодные курсы конвертации национальных валют, волатильность курсов национальных валют. Неравномерное развитие финансовых рынков стран</p>	<p>Регулирование расчетов в национальных валютах; прямые и косвенные законодательные ограничения; неопределенность стратегии интеграции; недостаточная скорость создания единого финансового рынка (гармонизации национальных законодательств); статус валют стран-участниц ЕАЭС не приоритетен по сравнению с валютами третьих стран; различия в валютном регулировании</p>

общего экономического курса и регулирования главных макроэкономических показателей стран экономического и валютного союза [2].

Анализ потенциальной готовности стран ЕАЭС к созданию валютного союза предполагает оценку соответствия стран основным критериям теории оптимальных валютных зон, которые определяют готовность стран к созданию валютного союза, и некоторые выгоды и издержки от валютного союза.

В современных исследованиях по валютной интеграции также поднимается вопрос взаимодействия центра и периферии в валютном союзе. Этот вопрос стал особенно актуальным после усиления дисбалансов и нарастания экономических проблем в ряде периферийных стран зоны евро.

На основе теории оптимальных валютных зон А. Кнобель и А. Миранов провели сравнительный анализ стран СНГ по базовым критериям теории оптимальной валютной зоны: асимметричность реальных шоков, асимметричность денежных шоков и инфляции, размер экономики, объем внешней торговли и денежных переводов, мобильность труда и уровень развития финансового сектора, в результате которого было проведено ранжирование стран относительно их готовности к созданию валютного союза с Россией как со страной – якорем.

В результате анализа был сделан вывод, что валютная интеграция с Россией будет наиболее привлекательной с экономической точки зрения для Молдавии, Украины, Таджикистана, Белоруссии и Казахстана, поскольку экономики этих стран во многом схо-

жи с экономикой России, и поэтому валютный союз с ними будет сопряжен с меньшими издержками и большими выгодами. При этом отмечалось, что и в этих странах по многим показателям наблюдается разносторонняя динамика макроэкономических процессов, что повышает риски более высоких издержек в случае создания валютного союза. Таким образом, при дальнейшей интеграции с этими странами России необходимо учитывать недостаточную конвергенцию российской экономики с экономиками стран СНГ. При достижении большей синхронизации бизнес-циклов представляется возможным снизить издержки и увеличить потенциальный выигрыш от валютной интеграции со странами СНГ, а также добиться стабильного развития валютного союза в будущем.

Согласно полученным результатам близость Белоруссии с точки зрения синхронизации макроэкономических циклов осталась примерно на том же уровне, что и до середины 2000-х гг., причем мешает сближению в этом направлении существенно иная денежно-кредитная и валютная политика белорусского государства. Одновременно с этим Казахстан демонстрирует отдаление от России с точки зрения критериев оптимальной валютной зоны по сравнению с ситуацией середины 2000-х годов, что, как и в случае с Белоруссией, связано прежде всего с отличной от российской денежно-кредитной и валютной политикой. Из всех партнеров по ЕАЭС экономика Армении остается в наименьшей степени синхронизированной с экономикой России, что в той же степени относится и к Киргизии [5].

Современная практика

Для стран ЕАЭС целью интеграционного объединения является свободное перемещение товаров, услуг, капиталов и рабочей силы между странами – членами. Естественно, что это ведет к необходимости создания единого платежного пространства с последующим внедрением системы мультивалютных операций или ускоренному переходу на платежное пространство единой валюты.

В настоящее время законодательных барьеров на территории стран – участниц для организации расчетов в национальных валютах нет. Поэтому для расширения использования национальных валют во взаимных расчетах, в первую очередь требуется системная работа по снижению валютных рисков, повышению ликвидности валют, увеличению востребованности расчетов в национальных валютах со стороны государства и бизнеса, а также мероприятия по сокращению транзакционных издержек в операциях с национальными валютами.

В настоящее время важной задачей валютной интеграции является постепенное замещение в качестве валюты платежа доллара США и евро. Действенной мерой в этой области может стать внедрение практики использования национальной валюты платежа той страны, резидентом которой является экспортер, при осуществлении внешнеторговых операций в рамках ЕАЭС. Это обусловит необходимость заключения соглашений о валютных свопах между странами – участницами ЕАЭС, а также позволит отказаться от

использования кросс-курсов национальной валюты к доллару США для установления курсов валют стран – участниц ЕАЭС. Помимо увеличения доли расчетов внутри Евразийского экономического союза в национальных валютах создание Интеграционного валютного рынка потребует решения ряда текущих и перспективных задач национальных экономик стран – участниц ЕАЭС, включая:

- осуществление согласованной бюджетной, в том числе фискальной политики;

- установление единой валютной политики по отношению к третьим странам;

- создание инфраструктуры общего платежного пространства, а также обеспечение совместимости национальных платежных систем стран – участниц ЕАЭС.

В настоящее время однозначно говорить о возможности для рубля стать международной валютой преждевременно. Для этого валюта должна быть устойчивой, а здесь главным фактором является стабильность экономики. В сложившихся условиях, когда рубль зависит от динамики рынка энергоносителей, он остается высоковолатильной валютой. В такой ситуации ее использование в международных расчетах несет повышенные риски, что отталкивает контрагентов. Негативным фактором для рубля в свете использования его для международных расчетов также выступает наличие санкционного давления на Россию. Поэтому в ближайшие 5–10

лет говорить о возможности превращения рубля в международную валюту преждевременно.

В настоящее время приоритетом для стран ЕАЭС и ШОС является не создание валютного союза, не единая валюта, а сильные национальные валюты.

В качестве главных мер по усилению роли национальных валют можно назвать расширение рынков капитала, доступность кредитования в национальных валютах и совместные проекты стран ЕАЭС – ШОС в реальном секторе и инфраструктуре.

Акцент должен быть сделан не на торговую, а на инвестиционную интеграцию (общие рынки капиталов); приоритет необходимо отдавать экономическим стимулам и структурным изменениям в экономике; для этого нужны стратегические и проектные решения.

Необходимость дальнейшей либерализации взаимного доступа на национальные валютные рынки, усиления взаимодействия между национальными регуляторами, более широкого использования инструментов страхования валютных рисков, обеспечения взаимных котировок национальных валют. Формирование общего финансового рынка откроет возможности для дальнейшей интернационализации национальных валют государств – членов ЕАЭС – ШОС.

Главными препятствиями для расчетов между странами в национальных валютах являются высокие транзакционные издержки при таких расчетах, высокая волатильность валют, а также макроэкономическая

неопределенность, что приводит к дополнительным издержкам участников внешнеторговой деятельности и создает для них дополнительные риски. Интеграция в монетарно-финансовой сфере стран ЕАЭС – ШОС должна идти вслед за экономической основой интеграции.

К расчетной валюте есть два требования: во-первых, все должны быть уверены, что страна – эмитент не ограничит движение капитала и не предпримет других действий, затрудняющих расчеты, и, во-вторых, поскольку расчеты занимают время, все участники сделки должны быть уверены, что за этот период валюта не обесценится.

Преодолеть эти препятствия можно не только и не столько директивными методами, сколько созданием благоприятных условий для расчетов в национальных валютах.

Нужны меры, которые помогли бы развитию финансовых рынков стран ЕАЭС – ШОС и углублению их интеграции. Этому может способствовать создание банка стран ШОС, развитие практики частичного предоставления межгосударственных кредитов в национальных валютах (сейчас такие кредиты предоставляются преимущественно в долларах).

Дальнейшими направлениями работы можно считать:

- 1) активизацию торговых и финансовых потоков между странами – членами;
- 2) расширение взаимной торговли, в том числе дополнительных эффектов, ожидаемых от снижения нетарифных барьеров;

3) формирование общих рынков и трансформацию механизмов ценообразования, использование национальных валют в расчетах как части данных механизмов;

4) интеграцию валютных рынков и либерализацию условий доступа на них, что в более широком контексте означает интеграцию финансовых рынков государств – членов ЕАЭС – ШОС.

Анализ действующей практики позволяет сделать вывод, что теку-

щее состояние финансовых рынков стран ЕАЭС – ШОС не способствует повышению роли национальных валют. Факторами, препятствующими использованию национальных валют, являются: низкая емкость финансовых рынков; низкая ликвидность, высокие спреды; отсутствие ряда сегментов, позволяющих снизить транзакционные издержки; неустойчивость рынков; структурные диспропорции финансового сектора.

Направления развития финансовой интеграции стран ЕАЭС – ШОС

Для повышения роли национальных валют стран ЕАЭС предлагается принять систему мер, направленных на:

- разработку перспективного плана развития интеграции (в том числе валютной);

- повышение согласованности макроэкономической политики стран ЕАЭС, повышение устойчивости национальных экономик;

- разработку и реализацию совместных инвестиционных проектов (в первую очередь инфраструктурных);

- координацию стратегий повышения экспортного потенциала стран;

- развитие приграничного сотрудничества;

- гармонизацию подходов по поддержке малого и среднего бизнеса;

- разработку и реализацию мер по развитию и гармонизации финансовых рынков;

- повышение уровня защиты прав предпринимателей, акционеров и инвесторов из стран ЕАЭС;

- перевод взаимных межгосударственных обязательств и трансграничных бюджетных трансфертов в рамках ЕАЭС на национальные валюты;

- внедрение экспериментальных механизмов многостороннего клиринга и хеджирования валютных рисков;

- расширение мандата ЕАБР и других финансовых институтов, в том числе за счет расширения кредитования в национальных валютах.

Решение проблемы перехода на расчеты в национальных валютах в рамках ЕАЭС – ШОС предполагает преодоление существующих проблем:

- разрыв в уровне национальных экономик;

- различия в темпах инфляции, макроэкономическая нестабильность, волатильность курсов национальных валют

- экспортно-сырьевая зависимость экономик

- неразвитый международный финансовый сектор, отсутствие единой и эффективной расчетно-платежной системы.

Важно также согласовать налогово-бюджетную политику, обеспечить совместимость национальных платежных систем стран-партнеров.

Повышение спроса на национальные валюты ускорит процесс развития финансовых рынков стран – партнеров.

В настоящее время представляется целесообразным разработать региональную стратегию развития финансового рынка на ближайшую и более отдаленную перспективу, что будет способствовать улучшению условий привлечения денежных ресурсов национальными компаниями, расширению перечня доступных для инвестирования инструментов. Для привлечения прямых и портфельных инвестиций из стран – партнеров региональным компаниям не потребуется проходить действующие ныне сложные процедуры, что позволит сократить транзакционные издержки (комиссии, выплачиваемые компаниями инвестиционным банкам, и пр.).

Повышение эффективности регионального финансового рынка приведет к формированию нового качества финансовой устойчивости экономики (повышенный иммунитет к внешним шокам) благодаря углублению и расширению возможностей государства и монетарных властей в сфере управления экономикой, в т. ч. стимулирования экономического роста, снижения системных рисков и обеспечения прозрачности деятельности рыночных агентов.

Гармонизация основных принципов сотрудничества позволит расширить возможности экспансии националь-

ного бизнеса на рынки стран – партнеров (снижение издержек, расширение финансирования и т.д.) и сформировать современные механизмы трансформации сбережений в эффективные и долгосрочные капиталовложения, в том числе в развитие пространственной инфраструктуры.

Для расширения использования национальных валют ЕАЭС – ШОС в обеспечении денежно-кредитных и финансовых отношений важно разработать принципы согласованных действий; сформировать алгоритм взаимодействия; определить поэтапный план развития системы межгосударственных платежей и расчетов в национальных валютах стран – партнеров.

Важным направлением международного сотрудничества является льготное (при поддержке государства) кредитование инновационных и наукоемких проектов и социально-значимых экономических программ по защите окружающей среды, развитию инфраструктуры, транспорта, медицинского обслуживания населения и др.

Существенную роль в формировании единого экономического пространства играет государственная поддержка программ модернизации производства, машиностроения, энергетики и пр. в рамках совместного использования межгосударственных синдицированных кредитов в национальных валютах. При этом российский рубль сможет укрепить позиции резервной региональной валюты (РРВ), если возрастет доля российской экономики в глобальном ВВП и мировой торговле, а спрос на

российскую валюту в качестве валюты платежа в странах – партнерах будет относительно стабильным.

В рамках ЕАЭС страны стремятся к переходу на расчеты в национальных валютах к 2025–2030 гг. Предполагается создание инфраструктуры общего платежного пространства, позволяющего производить платежи с учетом совместных национальных платежных систем. В этой связи важен курс на развитие стабильной экономической и политической конъюнктуры, позволяющей проводить необходимые масштабные реформы в системе международных расчетов на надна-

циональном уровне, в государствах – членах объединений и в банковских системах этих стран.

Для содействия развитию в этой сфере важно провести детальный анализ функционирования банковских систем стран–участниц, обратив особое внимание на корреспондентские сети банков и возможность проводить платежи в свободно конвертируемых валютах, минуя валюты – посредники (доллар). Каждая страна, стремящаяся осуществлять расчеты в национальной валюте с другими странами, должна оценить возможные валютные, операционные и страновые риски.

Перспективы финансовой интеграции стран ШОС

Вопросы финансовой интеграции стран ШОС, безусловно, носят характер долгосрочной перспективы. Вместе с тем в мире в настоящее время наблюдаются общие тенденции развития финансовых рынков.

Мировая денежная система дрейфует от системы, объединяющей национальные денежно-кредитные системы, в основе которых лежат национальные валюты, к мультивалютной денежной системе, основанной на широком применении передовых информационных технологий и современных ЭВМ.

Для обоснования данной тенденции в сфере цифровых услуг приведем данные Банка России:

- в мире к 2020 г. 35–50% клиентов банков будут пользователями мобильного банка;

- 82% финансовых организаций в мире ожидают увеличения числа

партнерств с финтехкомпаниями в ближайшие 3–5 лет;

- 56% финансовых организаций в мире включили цифровую трансформацию в основу стратегии своего бизнеса;

- инвестиции в финтехкомпаниях в мире в 2016 г. составили 24,7 млрд долл., в 2017 г. объем инвестиций остался на том же уровне;

- 65% крупнейших банков мира в ближайшие три года освоят технологию блокчейн и внедрят новые коммерческие продукты на основе распределенного реестра;

- активы на 10% мирового ВВП к 2027 г. будут храниться с использованием технологий распределенного реестра.

Обращение криптовалют – новое явление, прообраз принципиально новой системы денежного обращения.

В мире существует более 1500 видов криптовалют. Общую капитализацию

рынка криптовалют характеризуют следующие данные [8]:

- 01 февраля 2016 – 6,9 млрд долл.;
- 01 февраля 2018 – почти 511 млрд долл.;
- 02 февраля 2018 – 420,72 млрд долл.;
- 05 февраля 2018 – 385,45 млрд долл.

В России на законодательном уровне использование денежных суррогатов запрещено. Однако существует возможность децентрализованной эмиссии криптовалют.

Россия входит в число топ-10 стран – пользователей Интернета в Европе и находится на 2-м месте после Германии.

В сентябре 2015 г. российские СМИ распространили информацию о возможной эмиссии первой в России виртуальной валюты – битрубля. Платежная система Qiwi заявила о готовности к выпуску криптовалюты битрубль. Компания «Яндекс.Деньги» тоже заинтересована в участии в транзакциях с криптовалютой, если Центробанк разрешит ее обращение в России.

В странах Запада наиболее активно биткоины используются в Испании, Швеции, Германии и Аргентине. В Швейцарии криптовалюты используют на уровне отдельных муниципалитетов.

В Великобритании компания Coinbase открыла для своих британских и испанских клиентов возможность мгновенного приобретения биткоинов с помощью кредитных и дебетовых карт с технологией 3D Secure, что позволяет обеспечи-

вать дополнительную безопасность платежей, осуществляемых через Интернет. Комиссия за услугу составляет 3% [3].

С другой стороны, власти Китая в 2018 г. ввели запрет на производство биткоинов, указав на необходимость прекратить в стране майнинг биткоинов из-за «потребления огромного количества электроэнергии и подогревания спекуляций виртуальными валютами» [1].

Правительство Индии объявило о намерении полностью запретить использование криптовалют на территории страны, поскольку считает их незаконными платежными средствами. При этом власти страны будут активно применять технологию блокчейн для развития цифровой экономики.

В Южной Корее планируют принять закон о легализации криптовалюты; с 30 января 2018 г. введены новые правила торговли криптовалютой: каждый трейдер обязан идентифицировать себя с помощью банковского счета.

Япония – единственная страна мира, где действует государственный контроль над проведением операций с криптовалютами и эти операции облагаются подоходным налогом.

В мире активно обсуждается вероятность появления государственных криптовалют. Банк Англии может стать первым, выпустившим неограниченное количество валюты RScoin.

В настоящее время в странах ЕАЭС на государственном уровне и усилиями бизнес-ассоциаций с участием регуляторов финансовых рынков ведется работа по созданию криптовалют [6].

Президент Белоруссии А. Лукашенко в конце 2017 г. подписал декрет «О развитии цифровой экономики», который призван создать благоприятные условия для развития информационных технологий.

В июне 2017 г. Нацбанк Украины заявил о возможности создания электронного аналога гривны с использованием технологии блокчейн.

Киргизия готовит эмиссию национальной криптовалюты GoldenRock. Принято решение, что каждая единица (токен) будет обеспечена золотым эквивалентом, а после разработки месторождения владельцы GoldenRock смогут обменять ее на металл. Создание криптовалюты в Киргизии рассматривается как первый государственный проект в странах ЕАЭС¹.

Премьер России Д. Медведев предлагает ввести правовое регулирование применения криптовалют на уровне международных конвенций [7].

Президент Казахстана Н. Назарбаев предложил создать глобальную криптовалюту G-Global, которая позволит избавить мир от валютных войн, спекуляций, избежать перекосов в торговых отношениях, а также снизить волатильность на рынках. Предлагается введение глобальной валюты путем создания пула центральных банков при специально созданном Комитете ООН. Эта инициатива фактически может рассматриваться

как призыв к трансформации мировой финансовой архитектуры. В качестве возможного пути трансформации предлагается введение международной платежной расчетной единицы в виде криптовалюты [4].

Банк России продолжает изучение вопроса обращения криптовалют с учетом сопутствующих им рисков:

- возможность проведения сомнительных операций. Использование криптовалют, которые можно обменять на реальные деньги, несет риски в сфере борьбы с отмыванием преступных доходов;

- граждане, не обладающие высокой финансовой грамотностью, не всегда понимают, что, накапливая биткоины, они могут потерять свои деньги, так как они не застрахованы (например, в России – в Агентстве по страхованию вкладов);

- в экономике с высокой долей теневого оборота Центральный банк может утратить контроль над денежной массой, что чревато серьезными негативными экономическими и политическими последствиями.

В правительстве Российской Федерации обсуждается проект закона о криптовалютах, но учитывая, что мировых стандартов обращения и регулирования криптовалют пока не существует, в этих условиях начинать регулировать эту сферу имеет смысл, только когда будет устойчивая мировая практика.

---

¹ Замысел «национальной криптовалюты» в Киргизии представляет собой попытку привлечь инвестиции в золоторудный сектор посредством проведения ICO (Initial Coin Offerings – первичное размещение монет). Фактически это электронный аналог IPO и к созданию национальной криптовалюты отношения не имеет.

Перспективы

Пока единого решения по дальнейшей стратегии развития криптовалют в мире не существует. Конкурентное развитие различных систем электронных денег с большим количеством эмитентов должно находиться под контролем регуляторов финансовых рынков. В странах с развитой экономикой и устойчивой денежно-кредитной системой, со сложившейся традицией расчетных операций криптовалюты займут свою нишу, в которой их использование будет наиболее эффективно. Количество внедряемых систем должно быть ограничено и по возможности унифици-

ровано. В развивающихся странах с молодой и пока неустойчивой денежно-кредитной системой необходим жесткий контроль при их внедрении. В России огромная территория, относительно дешевая электроэнергия, высокий уровень образования населения позволяют рассматривать вопросы создания Международного финансового центра кибервалют.

Анализ ситуации с возможностью внедрения цифровых валют в странах ЕАЭС – ШОС показал, что для создания национальной криптовалюты государствам потребуются даже не годы, а десятилетия.

Список литературы

1. 80% мирового майнинга: Власти Китая решили запретить производство биткоинов [Электронный ресурс]. URL: <https://news.sputnik.ru/progress/4858a9f11eecabe>
1. [80% mirovogo majninga: Vlasti Kitaya reshili zapretit' proizvodstvo bitkoinov [Jelektronnyj resurs]. URL: <https://news.sputnik.ru/progress/4858a9f11eecabe>
2. Европейская интеграция: учебник / под ред. О.В. Буториной. М.: Издательский Дом Деловая литература, 2011.
[Evropejskaya integraciya: uchebnik / pod red. O.V. Butorinoj. M.: Izdatel'skij Dom Delovaya literatura, 2011.]
3. Есть ли будущее у цифровых валют [Электронный ресурс]. URL: http://arb.ru/b2b/trends/est_li_budushchee_u_tsifrovyykh_valyut-9894757/
3. [Est' li budushchee u cifrovyykh valyut [Jelektronnyj resurs]. URL: http://arb.ru/b2b/trends/est_li_budushchee_u_tsifrovyykh_valyut-9894757/
4. *Еремина Н., Фаляхов Р.* Криптовиром поразил СНГ [Электронный ресурс]. URL: https://www.gazeta.ru/gazeta/authors/rustem_falyahov.shtml
4. [*Eremina N., Falyahov R.* Kriptovirus porazil SNG [Jelektronnyj resurs]. URL: https://www.gazeta.ru/gazeta/authors/rustem_falyahov.shtml
5. *Кнобель А.Ю., Миронов А.К.* Оценка готовности стран СНГ к созданию валютного союза с Россией [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ranepa.ru/images/docs/nyauka/delo/Knobel-Mironov-blok.pdf>

[*Knobel' A.Yu., Mironov A.K.* Ocenka gotovnosti stran SNG k sozdaniyu valyutnogo soyuza s Rossiej [Elektronnyj resurs]. URL: <http://www.ranepa.ru/images/docs/nayka/delo/Knobel-Mironov-blok.pdf>]

6. *Панова Г.С., Стратан П.* Криптовалюты в современном мире // Topical areas of fundamental and applied research VII: Proceedings of the Conference. North Charleston, 19–20.10.2015. Vol. 2 – North Charleston, SC, USA: CreateSpace, 2015.

[*Panova G.S., Stratan P.* Kriptovalyuty v sovremennom mire // Topical areas of fundamental and applied research VII: Proceedings of the Conference. North Charleston, 19–20.10.2015. Vol. 2 – North Charleston, SC, USA: CreateSpace, 2015]

7. Цифровая трансформация: Медведев призвал страны ЕАЭС сблизить позиции по криптовалютам [Электронный ресурс]. URL: <https://ru.rt.com/a7pf>

[*Cifrovaya transformaciya: Medvedev prizval strany EAES sblizit' pozicii po kriptovalyutam* [Elektronnyj resurs]. URL: <https://ru.rt.com/a7pf>]

8. Crypto-Currency Market Capitalizations [Электронный ресурс]. URL: <http://coinmarketcap.com>

ИСТОРИЯ

УДК 93

Д. МАЙБОРОДА,

соискатель
Московского государственного
областного университета

D. MAYBORODA,

applicant
of the Moscow state
regional University

Ключевые слова:

политический кризис на Украине,
Автономная республика Крым,
пророссийское движение,
защита прав и свобод
российских соотечественников,
исторический акт воссоединения
Крыма с Россией

Keywords:

political crisis in Ukraine,
Autonomous Republic of Crimea,
Pro-Russian movement,
protection of rights and freedoms
of Russian compatriots,
historical act of reunification
of Crimea with Russia

ВОССОЕДИНЕНИЕ КРЫМА И РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ПРИЧИНЫ И ФАКТОРЫ

В статье рассматриваются причины и факторы, обусловившие реинтеграцию Крыма в состав Российской Федерации, показан их структурный характер, несводимый к политически ангажированному утверждению о российском экспансионизме. Автор аргументированно доказывает, что исторический акт возвращения Крыма в состав России имеет корни, уходящие в советскую эпоху и реальность украинского социально-экономического и политико-культурного процесса.

THE RECONCILIATION OF CRIMEA AND THE RUSSIAN FEDERATION: CAUSES AND FACTORS

The article considers the reasons and factors that led to the reintegration of Crimea into the Russian Federation, shows their structural nature is not reduced to a politically biased statement about Russian expansionism. The author argues that the historical act of the return of Crimea to Russia has roots going back to the Soviet era and the reality of the Ukrainian socio-economic and political-cultural process.

Выдающимся событием новейшей истории стала реинтеграция Крыма в состав России, оказавшая влияние как на двусторонние российско-украинские отношения, так и на актуальную геополитику. Вне контекста государственного суверенитета полуостров с времен, уходящих корнями в Средневековье, играл и продолжает играть роль самостоятельного субъекта геополитики и притягивает внимание центров мировой силы. Именно поэтому события, связанные с возвращением Крыма в состав государства, вновь обретающего черты «самостоятельного игрока» мировой политики, приобрели глобальное значение.

Опуская примитивную точку зрения, объясняющую «крымскую весну» исключительно имперским экспансионизмом России, следует отметить, что причины и факторы, ее породившие, имеют структурный характер и не могут быть описаны простой схемой.

Во-первых, несмотря на то что полуостров находился в составе Украины более полувека, его население, за исключением меньшинства, продолжало идентифицировать себя с российским социокультурным пространством. По данным социологического исследования, проведенного по заказу Института стран СНГ (Москва) украинской научной организацией, в 2014 г. 64,6% жителей Республики Крым оценивали передачу Крымской области в состав Украины в 1954 г. «в целом отрицательно», 25,5% безразлично и только 9,9% крымчан одобряли этот акт [1]. Даже

Президент США Д. Трамп на саммите G7 в беседе за ужином заявил о том, что передача Крыма в состав Украины «была ошибкой Н.С. Хрущева» [2].

Другой причиной, в значительной мере способствовавшей активизации пророссийских настроений на полуострове, явилось ухудшение социально-экономического положения крымчан с момента обретения Украиной независимости. По словам лидера партии «Русское единство» С.В. Аксенова¹, «Крым рассматривали (киевские власти. — Авт.) как помещичью вотчину, его отдавали то одним, то другим, всяким прохиндеям разных мастей, то оранжевым, то голубым. Рассматривали только как площадку, на которой можно нелегально деньги зарабатывать» [3, с. 14].

Снижение уровня жизни основной части крымского населения поддерживало нарастающую социальную напряженность и оппозиционность центральной киевской власти.

Фактором, будирующим недовольство крымчан, являлась и насаждаемая Киевом прозападная ориентация внешнеполитического курса. Особое раздражение жителей полуострова вызывали перманентно продолжавшиеся попытки их вовлечения в натовские учения. Ответной реакцией стали акции общественного движения в защиту русского языка, общей российско-украинской истории, за вступление в Таможенный союз [3, с. 15]. Каждая политическая сила, претендующая на формирование

¹ Глава Республики Крым после вхождения его в состав России.

властных институтов на полуострове, стремилась «оседлать» пророссийскую проблематику в электоральной борьбе.

Противостояние киевских властей с пророссийским движением в Крыму зачастую выливалось в публичное противостояние, одним из средств преодоления которого киевская власть считала создание благоприятной почвы для политической активности крымско-татарских структур. В отличие от пророссийских общественных организаций, испытывавших острый дефицит материальной и политической поддержки России, структуры националистического, радикального толка получали постоянную финансовую подпитку. Так, в 2014 г. «Русское единство», возглавляемое С.В. Аксеновым, имело бюджет около 400 тыс. гривен, а партия «Свобода», проповедующая идеи С. Бандеры, – 24 млн гривен [4].

Особую роль в подготовке общественного мнения крымчан к акту реинтеграции в состав Российской Федерации сыграли события на майдане. Спокойное восприятие самого протеста против коррупции и беззакония на первом этапе украинского политического кризиса 2014 г. сменилось протестом основной массы населения полуострова против ультра-националистического перерождения основных движущих сил майдана. В передовице «Крымской правды» от 10 января 2014 г. говорилось: «Первое и самое главное, что мы все должны понять: на нашей земле идет война. Увы, это вовсе не преувеличение. Не нужно утешать и обманывать себя тем, что сегодня не стреляют пушки и не

сыплются с неба бомбы: во-первых, Украина и от этого защищена не лучше Югославии, а во-вторых, уже сейчас, на этой войне, что обходится без бомбежек и артобстрелов, все равно гибнут люди...

Как и в далеком 1941-м, мы долго отступали, до самых последних рубежей. Сегодня нам отступать некуда. ОНИ уже идут. К нам, в Крым... Помните, что, победив, ОНИ не пощадят никого. В том числе и тех, кто выходит их встречать с поднятыми руками.

Сегодня каждый порядочный человек независимо от национальности и политических убеждений стоит перед тем же самым выбором, что и 73 года назад: покориться врагу или защищать себя, своих родных, свою землю. Иных вариантов нет. Или – или» [5].

Очевидными для большинства крымчан стали цели западного альянса, не скупившегося на финансовую поддержку «революционных экстремистов». Особое место в планах Запада занимал Крым и юго-восток Украины. Бывший директор Хельсинской правозащитной группы британец К. Стоун заявил, что западное сообщество не интересуется Центральная и Западная Украина. «Борьба идет, – говорил он, – за юг с Причерноморьем и Крым, сочетающие в себе такие геополитические факторы, как размещенный в Севастополе Черноморский флот и пророссийские настроения юго-востока, обладающего мощной промышленностью и развитой инфраструктурой» [6].

Вместе с радикализацией украинских националистов антироссийскую активность стали проявлять крым-

ско-татарские экстремисты из числа лидеров крымского Меджлиса (запрещенного в России). Политические силы, объединяемые ими с первых дней украинского кризиса, обозначили свою остросоциальную позицию к пророссийскому общественному движению. Активисты Меджлиса продемонстрировали свои намерения на организованном 28 января 2014 г. митинге на площади Ленина в Симферополе. Крымчане из числа пророссийски настроенных граждан, во избежание захвата меджлисовцами административных зданий, выстроили на площади «живое полукольцо». Татарское движение «Себат» предостерегло крымско-татарское население от поддержки лозунгов экстремистов. В его обращении говорилось: «Джемилев и Чубаров (лидеры Меджлиса. — Авт.), призывая крымских татар на антиправительственные митинги, хотят отделить крымско-татарский народ от всего крымского социума и настроить все крымское и украинское сообщество против крымских татар» [7].

Проявили себя центры внешней силы, поддерживающие антироссийские настроения на полуострове. Организация «Адалет», располагающая «боевыми дружинами», получила материальные ресурсы извне через объединение экстремистской направленности «Державна Самостийность Украины», информационную поддержку деятельности Меджлиса обеспечивала американская структура с центром в Вашингтоне (International Committee for Crimea). В ситуацию на полуострове активно вмешивались официальные и общественные

структуры Турции. Турецкая газета «Hürriyet» в январе 2014 г. писала: «Пророссийски настроенное правительство Крыма в свете последних событий в Киеве заявляет: “Если западцы захватят Киев, мы отделимся”. В настоящее время, при желании Крыма присоединиться к России, прежде всего Крыму необходимо провозгласить независимость от официального Киева. И именно в этот момент, если соответствовать всем нормам международного права, Турция может заявить: “Беру под контроль управление Крымом”» [8].

В поддержку экстремистских группировок Меджлиса выступила международная террористическая организация «Хизб-ум-тахрир» (запрещенная в России) [8].

Нарастающая волна экстремизма в Киеве подвигала крымчан сделать выбор между возможной расправой националистических «ультрас», периодически заявлявших о намерении организовать карательную экспедицию в Крым, и борьбой за возвращение в состав России. События в Киеве 18 февраля 2014 г., когда от рук майдановцев погибли крымские правоохранители из состава специального подразделения «Беркут», и акция расправы над крымскими участниками митинга антимайдана, возвращавшимися домой, стали последней каплей, или рубиконом, общественного настроения, окончательно развернувшегося в сторону ориентации на воссоединение с Россией.

Трагические события побудили группу депутатов Верховного Совета АРК инициировать решение

о начале консультаций с Москвой. В ответ на поездку спикера Крымского парламента В.А. Константинова в российскую столицу официальный Киев санкционировал его арест. На собравшемся 23 февраля 2014 г. в Симферополе митинге в поддержку курса на воссоединение с Россией была организована запись в добровольные дружины.

Радикальные настроения лидеров крымско-татарских экстремистов подогревались из Киева. Уже 23 февраля оттуда был послан в Крым специальный борт с вооруженным подразделением. Однако «карательная» экспедиция, возглавляемая А.Б. Аваковым и В.В. Наливайченко, провалилась из-за нежелания силовиков полуострова действовать против воли народа.

Знаковым событием с точки зрения дальнейшего развития событий стал митинг на центральной площади г. Симферополя 25 февраля 2014 г. На митинг прибыли представители народных дружин и противостоящие им группировки крымско-татарских боевиков. Произошли столкновения противоборствующих сторон, принесшие первые жертвы. Участвующий в митинге член Меджлиса Чубаров заявил, что «пройдут досрочные выборы, и здесь крымский татарин будет Председателем Верховного Совета, крымский татарин – премьер-министром, вы получите крымско-татарскую республику» [9].

Первой пробой крымско-татарских радикалов взять реванш и заблокировать административные здания Республики Крым стало выступление 26 фев-

раля 2014 г. На помощь экстремистам были посланы из Киева 150 боевиков «Правого сектора». Однако на площадь подошли поддерживающие парламент силы ополчения.

В этот день пророссийски настроенным активистам не удалось собрать необходимый кворум для принятия актов Верховным Советом, но удалось предотвратить захват власти промайдановскими силами. Верховный Совет Крыма обратился 27 февраля 2014 г. к крымчанам: «В результате неконституционного захвата власти в Украине радикальными националистами при поддержке вооруженных бандформирований мир и спокойствие в Крыму поставлены под угрозу. Вчерашнее столкновение у здания крымского парламента, приведшее к кровопролитию и человеческим жертвам, – это результат разгула политического экстремизма и насилия, захлестнувшего страну. Украина скатывается к полнейшему хаосу, анархии и экономической катастрофе.

В этих условиях Верховная рада Автономной Республики Крым как высший представительный орган власти в Крыму, опираясь на волеизъявление избравших его крымчан, принимает на себя всю ответственность за судьбу Крыма.

Следуя основополагающим канонам демократии, президиум крымского парламента считает единственным возможным путем выхода из сложившейся ситуации применение принципов прямого народовластия. Убеждены, что только проведение общекрымского референдума по вопросу усовершенствования статуса

автономии и расширения ее полномочий позволит крымчанам самим, без внешнего давления и диктата, определить будущее автономии» [10].

Возникновение реальной угрозы массовых жертв в связи с неизбежными столкновениями пророссийских сил полуострова со значительно более организованными крымско-татарскими экстремистами и реализацией планов украинских профашистских группировок по усмирению полуострова обусловили решение политического руководства РФ вмешаться в угрожавшую жизни и благополучию соотечественников ситуацию в Крыму. Непростое решение об обеспечении мира на полуострове было принято в том числе под давлением нарастающих неблагоприятных обстоятельств, угрожавших крымским повторением киевского майдана.

В условиях утраты управления полуострова Киев решился на чрезвычайные меры. Заступивший на должность начальника УВД Крыма (вместо добровольно сложившего полномочия прежнего) заместитель мэра г. Феодосии И.Я. Авруцкий попытался силой захватить административные здания.

С утра 27 февраля служащие российского спецназа без применения оружия взяли под контроль правительственные учреждения с целью недопущения их незаконного захвата. Экстренные меры России по защите населения полуострова были вполне оправданы в связи с реальной угрозой стабильности и жизни граждан полуострова. Добровольные дружины ополченцев к началу марта 2014 г. не располагали реальной силой, спо-

собной предотвратить нарастающую трагедию. В этот момент ополченцы имели в арсенале около 200 единиц гладкоствольного оружия. Учитывая, что разграбившие оружейные арсеналы воинских частей и подразделений милиции украинские националисты, нацеленные на подавление «непокорного» Крыма, располагали достаточным количеством огневой техники и боеприпасов, нетрудно было предположить, чем закончилось бы их проникновение в Крымский регион [11].

Фактором, способствующим бескровному возвращению Крыма в состав России, стало в целом комплементарное отношение к этой акции крымских военных. Воинская группировка Крыма насчитывала не менее 22 тыс. чел. Откликнувшиеся на призыв Верховного Совета крымчане заблокировали выезды из воинских частей. Уже к началу марта 23 из 34 подразделений, дислоцирующихся на полуострове, перешли в подчинение правительству Крыма [12].

Наибольшее упорство и нежелание подчиняться администрации Крыма проявила феодосийская часть морской пехоты, еще до «крымской весны» фактически включенная в состав сил быстрого реагирования НАТО и группы ЕС «Helbros». Из центрального военного ведомства Киева морпехам поступил приказ на применение оружия.

В последние сутки февраля 2014 г. десятью бортами Ил-76 в Крым были переброшены десантники общей численностью 2 тыс. чел. Всего, по сведениям министра обороны Украины, на полуострове для обеспечения порядка

было переброшено 6 тыс. российских военнослужащих [13].

Пророссийское движение в Крыму имело практически безграничную поддержку населения, большей части политического сообщества, властных институтов России. По этому поводу и в ответ на самые тяжелые обвинения зарубежных СМИ газета «Известия» в передовой статье писала: «Широкомасштабная поддержка Западом так называемого киевского Майдана лопнула как мыльный пузырь. Постсоветская Россия не проводит интервенцию на своих же территориях, своего же собственного народа. Хватит прикрываться и бояться высказать то, что в действительности происходит, то, что никаким убогим теоретикам «цветных» революций, «майданов», «продвижения демократии» нельзя ни помыслить, ни понять. Даже если эти теоретики – профессора Стэнфорда, бывшие послы США в России. Вы слишком настойчиво хоронили СССР на постсоветском пространстве, но теперь, именно теперь, 1–2 марта 2014 г., вы наконец-таки с изумлением начинаете сознавать, что слухи о смерти ненавистой сверхдержавы оказались преждевременными. Слишком преждевременными. Что нашими головами и руками, и народа, и власти, и президента России, и парламента, и правительства, движут именно эти – советские чувства, воля и разум» [14].

Единодушное неприятие Западом волеизъявления крымчан сыграло консолидирующую роль российского социума. Рейтинги президента России В.В. Путина достигли внушительных размеров.

По поводу действий России в Крыму В.В. Путин в открытом телеэфире 4 апреля 2014 г. заявил, что Украина «вергнута в хаос» и «до сих пор (в Киеве. – Авт.) бродят боевики в масках с оружием в руках и повязками, напоминающими свастику... Нельзя поощрять незаконные перемены». «Они (новая власть) не только разогнали Конституционный суд неправым образом, а еще – вдумайтесь даже в это слово – дали поручение Генеральной прокуратуре возбудить уголовные дела против членов Конституционного суда. Это нонсенс, это сапоги всмятку». Российский президент предупредил, что «антиконституционный переворот» в стране позволяет не признавать международные договоры относительно режима, установившегося на Украине, в частности, гарантии, вытекающие из отказа Киева от ядерного оружия в 1994 г. «Вы наверняка много раз слышали: “Это не антиконституционный переворот. Это – революция!” Так? Так. А если это революция, мне тогда трудно не согласиться с некоторыми нашими экспертами, которые считают, что на этой территории возникает новое государство. А с этим государством и в отношении этого государства мы никаких обязывающих документов не подписывали» [15].

Решение о проведении общекрымского плебисцита, который должен был определить судьбу полуострова, принималось 6 марта 2014 г. на внеочередном пленарном заседании Верховного Совета Крыма. В решении была намечена дата референдума. Сфабрикованное позже представление о том,

что к этому решению подталкивали «дула российских автоматов», не соответствует действительности. Действия российских военных в Крыму были настолько деликатными, что многие пророссийские активисты к началу марта не могли с уверенностью определить их намерения и принадлежность [16].

В принятом постановлении парламента Автономной Республики Крым говорилось: «Выражая огромную тревогу в отношении создавшейся вокруг Крыма общественно-политической ситуации, подтверждая приоритет общечеловеческих ценностей, приверженность общепризнанным принципам и нормам международного права, в целях реализации волеизъявления населения Крыма и в связи с отсутствием легитимных органов государственной власти на Украине, в соответствии с пунктом 7 части первой статьи 18 и пунктом 3 части второй статьи 26 Конституции Автономной Республики Крым Верховный Совет АРК постановляет:

1. Войти в состав Российской Федерации в качестве субъекта Российской Федерации.

2. Назначить на 16 марта 2014 г. общекрымский референдум (включая г. Севастополь), на который вынести следующие альтернативные вопросы:

1) Вы за воссоединение Крыма с Россией на правах субъекта Российской Федерации?

2) Вы за восстановление действия Конституции Республики Крым 1992 г. и за статус Крыма как части Украины?

3. Вопрос, получивший большинство голосов, считается выражающим

прямое волеизъявление населения Крыма» [17].

В день, когда парламент Крыма принял судьбоносное решение, делегация крымских политиков вылетела в Москву. Реакция Киева на происходящее в Крыму была предсказуемой. Лидеры новой киевской власти, В.В. Кличко, А.П. Яценюк, О.Я. Тягнибок, обратились к народу Крыма с предостережениями о незаконности референдума и уголовной ответственности его инициаторов. Незаконно имплементированный Конституционный суд Украины вынес собственное решение относительно дезавуирования крымского плебисцита, а 15 марта Верховная рада Украины приняла постановление о приостановке деятельности Верховного Совета Автономной Республики Крым.

Референдум о воссоединении Крыма с Россией состоялся 16 марта 2014 г. Явка крымчан превзошла ожидания. Проголосовали 96% избирателей Крыма и 95% жителей Севастополя. В проведении плебисцита приняли участие наблюдатели из 23 стран, в том числе из США, Израиля, Китая и т.д. За вхождение Крыма в состав Российской Федерации проголосовали 96,6% явившихся на участки. В этот же день на полуострове состоялись многотысячные митинги поддержки воссоединения с Россией.

Конституционный закон Российской Федерации «О принятии в Российскую Федерацию Республики Крым и образовании в составе Российской Федерации новых субъектов Республики Крым и города федерального значения Севастополя» был

принят Государственной думой РФ 20 марта и одобрен Советом Федерации РФ на следующий день [18].

Соответствие исторического акта воссоединения Крыма с Россией воле крымского народа хорошо иллюстрируют данные опроса, проведенного украинской социологической службой в 2015 г. по заказу Института стран СНГ. Согласно результатам репрезентативного опроса, 88,9% крымчан и 94,5% севастопольцев положительно оценили референдум 16 марта 2014 г. [19].

Таким образом, воссоединение Крыма с Российской Федерацией — событие, истоки которого уходят в

историческое прошлое, обусловленное рядом причин, не сводимых к одной упрощенной схеме и не описываемой политически ангажированным утверждением об экспансионизме «авторитарной» России. В основе этого исторического акта лежали факторы, располагавшиеся в плоскости проблемы обоснованности передачи полуострова в состав Украины советским руководством, современного украинского социально-экономического и культурного процесса и, как ни парадоксально звучит, в условиях, фундирующих распад СССР, и отношении к таковым гражданам постсоветского пространства.

Список литературы

1. Социологическое исследование общественного мнения жителей Республики Крым и города Севастополь, 2015 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=116112>

[Sociologicheskoe issledovanie obshchestvennogo mneniya zhitelej Respubliki Krym i goroda Sevastopol', 2015 g. [Электронный ресурс]. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=116112>]

2. Трамп назвал Крым российским [Электронный ресурс]. URL: <https://news.mail.ru/politics/33785132/?frommail=1>

[Tramp nazval Krym rossijskim [Электронный ресурс]. URL: <https://news.mail.ru/politics/33785132/?frommail=1>]

3. Григорьев М.С., Ковитиди О.Ф. Крым: история возвращения. М.: Кучково поле. 2014. С.14.

[Grigor'ev M.S., Kovitidi O.F. Krym: istoriya vozvrashcheniya. M.: Kuchkovo pole. 2014. S.14]

4. Глуховский М. Як Яникевич Крым українізував [Электронный ресурс] URL: <https://glavcom.ua/articles/16662.html>

[Gluhovskij M. YAk YAnikovich Krym ukrainizuvav [Электронный ресурс] URL: <https://glavcom.ua/articles/16662.html>]

5. Вставайте люди русские // Крымская правда. 2014. 10 января.

[Vstavajte lyudi russkie // Krymskaya pravda. 2014. 10 yanvarya]

6. *Москаль А.* «Стихийный» Майдан до президентских выборов [Электронный ресурс]. URL: <http://odnarodyna.com.ua/stihiynnyu-maydan-vplot-do-prezidentskih-vyborov>

[*Moskal' A.* «Stihijnyj» Majdan do prezidentskih vyborov [Электронный ресурс]. URL: <http://odnarodyna.com.ua/stihiynnyu-maydan-vplot-do-prezidentskih-vyborov>]

7. *Афанасьев В.* Крым не приемлет майданно-нацистского шабаша в стране [Электронный ресурс]. URL: <http://odnarodina.com.ua/content/krym-nepriemlet-maydann0-nacistskogo-shabasha-v-strane>

[*Afanas'ev V.* Krym ne priemlet majdann0-nacistskogo shabasha v strane [Электронный ресурс]. URL: <http://odnarodina.com.ua/content/krym-nepriemlet-maydann0-nacistskogo-shabasha-v-strane>]

8. *Афанасьев В.* Что ищет меджлис на киевском «евромайдане» [Электронный ресурс]. URL: <http://odnarodina.com.ua/content/chto-ishchet-medzhlis-na-Kievskom-evromaydane>

[*Afanas'ev V.* Chto ishchet medzhlis na kievskom «evromajdane» [Электронный ресурс]. URL: <http://odnarodina.com.ua/content/chto-ishchet-medzhlis-na-Kievskom-evromaydane>]

9. *Константинов В.* «Я пойду до конца...» // Григорьев М.С., Ковитиди О.Ф. Крым: история возвращения. М., 2014. С. 52.

[*Konstantinov V.* «YA pojdu do konca...» // Grigor'ev M.S., Kovitidi O.F. Krym: istoriya vozvrashcheniya. M., 2014. S. 52]

10. Обращение президиума Верховного Совета Автономной Республики Крым № 39-6/14-ПВР, 27 февраля 2014 г. // Текущий архив Института стран СНГ. 2014 г. Оп. 9, Д. 17, Л. 11.

[Obrashchenie prezidiuma Verhovnogo Soveta Avtonomnoj Respubliki Krym № 39–6/14–PVR, 27 fevralya 2014 g. // Tekushchij arhiv Instituta stran SNG. 2014 g. Op. 9, D. 17, L. 11]

11. *Аксенов С.* На переднем крае // Григорьев М.С., Ковитиди О.Ф. Крым: история возвращения. М., 2014. С. 27.

[*Aksenov S.* Na perednem krae // Grigor'ev M.S., Kovitidi O.F. Krym: istoriya vozvrashcheniya. M., 2014. S. 27]

12. Крымская правда. 2014. 5 марта.

[Krymskaya pravda. 2014. 5 marta]

13. Текущий архив Института стран СНГ. 2014 г. Оп. 9, Д. 11, Л. 16.

[Tekushchij arhiv Instituta stran SNG. 2014 g. Op. 9, D. 11, L. 16]

14. Известия. 2014. 2 марта.

[Izvestiya. 2014. 2 marta]

15. Отодвигая фронт. Владимир Путин рассказал об Украине // Коммерсантъ – Украина. 2014. № 38 (1957).

[Otodvigaya front. Vladimir Putin rasskazal ob Ukraine // Kommersant – Ukraina. 2014. № 38 (1957)]

16. «Вежливые люди» в Крыму глазами американцев [Электронный ресурс]. URL: <https://topwar.ru/41401>

[«Vezhliyve lyudi» v Krymu glazami amerikancev [Электронный ресурс]. URL: <https://topwar.ru/41401>]

17. Крым возвращается домой // Крымская правда. 2014. 7 марта.

[Krym vozvrashchaetsya domoj // Krymskaya pravda. 2014. 7 marta]

18. Федеральный конституционный закон от 21 марта 2014 г. № 6-ФКЗ «О принятии в Российскую Федерацию Республики Крым и образовании в составе Российской Федерации новых субъектов Республики Крым и города федерального значения Севастополя» // Российская газета. Федеральный выпуск. 2014. № 6338 (66).

[Federal'nyj konstitucionnyj zakon ot 21 marta 2014 g. № 6-FKZ «O prinyatii v Rossijskuyu Federaciju Respubliki Krym i obrazovanii v sostave Rossijskoj Federacii novyh sub"ektov Respubliki Krym i goroda federal'nogo znacheniya Sevastopolya» // Rossijskaya gazeta. Federal'nyj vypusk. 2014. № 6338 (66)]

19. Социологическое исследование общественного мнения жителей Республики Крым и города Севастополь, 2015 г. М.: Спутник. 2016. С. 66–69.

[Sociologicheskoe issledovanie obshchestvennogo mneniya zhitelej Respubliki Krym i goroda Sevastopol', 2015 g. M.: Sputnik. 2016. S. 66–69]

ПРАВИЛА ПРЕДСТАВЛЕНИЯ СТАТЕЙ В ЖУРНАЛ «ПОСТСОВЕТСКИЙ МАТЕРИК»*

1. Для публикации в журнале принимаются статьи одной из рубрик:
  - Политология
  - История
  - Экономика
  - Научная жизнь
2. В журнале печатаются статьи, ранее не опубликованные в других изданиях.
3. Все рукописи авторов проходят независимое рецензирование, в соответствии с результатами которого редакционная коллегия решает вопрос об их опубликовании.
4. Объем статей ограничен 30 страницами (включая рисунки, таблицы, список литературы). Авторы должны предъявлять высокие требования к языку рукописи. В статье должны быть указаны следующие данные (на русском и английском языках): название статьи; фамилия, имя, отчество авторов (полностью); место работы каждого автора (без сокращений); контактная информация (e-mail); аннотация; ключевые слова.
5. Статьи принимаются в редакцию в электронном виде.
6. К статьям прикладывается выписка из решения кафедры (научного подразделения), где выполнялась работа, содержащая рекомендацию статьи к публикации в журнале. Выписка подписывается заведующим кафедрой (руководителем научного подразделения) или его заместителем, подпись заверяется соответствующей кадровой структурой. Оригинал этих документов должен быть представлен в редакцию в случае принятия статьи к публикации.
7. Если автор статьи не имеет возможности предоставить заверенную выписку, основное содержание статьи может быть заслушано на научном собрании Института стран СНГ, после чего участники собрания принимают решение о возможности публикации статьи, а председатель собрания формирует для нее соответствующие сопроводительные документы.
8. Подавая статью для публикации, автор заведомо соглашается, что его материалы, в соответствии с требованиями ВАК, будут размещены в открытом доступе в сети Интернет.
9. Гонорары за публикации не выплачиваются.
10. Автору или авторскому коллективу положен один бесплатный экземпляр журнала.
11. Редакция оставляет за собой право вносить изменения в текст статей с целью приведения его в соответствие с нормами русского языка и улучшения восприятия информации читателями. При этом редакция обязуется сохранять изначальный смысл высказываний автора.

---

* Полные требования к материалам опубликованы на сайте: <http://www.materik.ru/institute/library/books/detail.php?ID=17609>

ПОРЯДОК РЕЦЕНЗИРОВАНИЯ

Автор представляет в редакцию электронную версию статьи, а также выписку из решения кафедры (научного подразделения), где выполнялась работа, содержащую рекомендацию статьи к публикации в журнале. Выписка подписывается заведующим кафедрой (руководителем научного подразделения) или его заместителем, подпись заверяется соответствующей кадровой структурой.

Если автор статьи не имеет возможности предоставить заверенную выписку, основное содержание статьи может быть заслушано на научном собрании Института стран СНГ, после чего участники собрания принимают решение о возможности публикации статьи, а председатель собрания формирует для нее соответствующие сопроводительные документы.

Статья, поступившая в редакцию, направляется рецензентам.

Рецензентами являются специалисты по тематике рукописи из числа членов редакционной коллегии журнала, сотрудники Института стран СНГ, другие специалисты, имеющие докторскую степень по профильным наукам.

Выбор рецензентов для каждой рукописи производится на заседаниях редакционной коллегии.

Продолжительность рецензирования не превышает трех месяцев с момента поступления работы к рецензенту.

Рецензент определяет:

- а. соответствие содержания рукописи тематике Журнала;
- б. актуальность и новизну содержания рукописи;
- в. достоверность и обоснованность результатов, описанных в рукописи;
- г. научный уровень рукописи;
- д. достоинства и недостатки рукописи как по форме, так и по содержанию.

Рецензирование заканчивается заключением о возможности или невозможности опубликования рукописи в журнале в представленном виде или после доработки. Требование о доработке рукописи не означает ее обязательное опубликование после доработки.

Редакция извещает авторов о решении рецензента относительно их статей. Автору не принятой к публикации статьи редакционная коллегия направляет (по его запросу) мотивированный отказ по E-mail.

Ответ на рецензию и исправленный вариант рукописи направляются рецензенту для получения окончательного заключения о возможности опубликования рукописи в журнале или ее отклонении.

Окончательное решение об опубликовании или отклонении рукописи принимается редакционной коллегией.

В спорных случаях или в соответствии с пожеланиями членов редакционной коллегии рукопись направляется на повторное рецензирование.

Рецензии на представленные статьи хранятся в редакции издания не менее 5 лет.

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ

Рукопись статьи необходимо предоставить в электронном виде.

Редактор – Microsoft Word (*.doc).

Параметры страницы (формат А4; поля: по 2 см с каждой стороны).

Шрифт (гарнитура) – Times New Roman.

Размер шрифта (кегель) – 14, без уплотнения или разрежения. В таблицах и иллюстрациях допускается уменьшение размера шрифта до 12.

Абзацный отступ (красная строка) – 1 см.

Межстрочный интервал – полуторный.

Выравнивание текста – по ширине.

Наличие пристатейного списка литературы, с источниками, расположенными в алфавитном порядке и пронумерованными. Список литературы оформляется в формате, предусмотренном действующим ГОСТом. Ссылки на источники в тексте расставляются в квадратных скобках.

ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ ССЫЛОК НА ИСТОЧНИКИ В СПИСКЕ ЛИТЕРАТУРЫ

Пример оформления библиографической ссылки	Тип библиографической ссылки
1	2
1. <i>Ефремов М.Е.</i> К вопросу об экономической стабильности. М.: Эксмо, 2009.	<i>Работа одного автора</i>
2. <i>Ковров Б.Ю., Шпак А.В.</i> Политология: учеб. пособие для студентов педвузов. М.: Эксмо, 2006.	<i>Работа двух авторов</i>
3. История России: учеб. пособие / В.Н. Быков, А.Л. Леонидов и др.; отв. ред. В.Н. Сухов. 2-е изд., перераб. и доп. СПб.: СПб-ЛТА, 2001.	<i>Работа более 3-х авторов</i>
4. <i>Вишняков И.В.</i> Модели и методы оценки коммерческих банков в условиях неопределенности: дис... канд. экон. наук. М., 2002.	<i>Диссертация</i>
5. <i>Вишняков И.В.</i> Модели и методы оценки коммерческих банков в условиях неопределенности: автореф. дис ... канд. экон. наук. М., 2002.	<i>Автореферат диссертации</i>
6. Глобализация: исторические предпосылки, эволюция и перспективы для человечества: материалы международной научно-практической конференции, МГОУ, 21-22 февраля 2012г. М.: Изд-во МГОУ, 2012.	<i>Материалы конференций</i>

1	2
7. Содержание и технологии образования взрослых: проблема опережающего образования: сб. науч. тр. // Ин-т образования взрослых Рос.акад. Образования / под ред. А.Е. Марона. М.: ИОВ, 2007.	<i>Сборник научных трудов</i>
8. Кузьмин В.Д. Справочник по истории Европы: в 3 ч. Ч. 2. Детские болезни. М.: Астрель, 2002.	<i>Отдельный том многотомного издания</i>
9. Есипова В.А. Музей книги и преподавание истории книги в Томском университете // Музейные фонды в экспозиции в научно-образовательном процессе: материалы Всерос. науч. конф., Томск, 18–20 марта 2005 г. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2005. С. 184–188.	<i>Статья из сборника</i>
10. Кошман С.Н. К вопросу о создании региональной системы социализации детей-сирот // Вестник Московского государственного областного университета. — Серия «Педагогика». 2008. № 4. С. 32-43.	<i>Журнальная статья</i>
11. Трубилина М. Московские легенды // Российская газета. 2004. 26 янв.	<i>Газетная статья</i>
12. Конституция Российской Федерации от 12.12.1993.	<i>Нормативно-правовые акты</i>
13. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ // Российская газета. 2004. 26 янв.	
14. Федеральный закон от 15.11.1997 N 143-ФЗ (ред. от 28.07.2010) «Об актах гражданского состояния» // Российская газета. 1997. 20 ноября.	
15. Лэтчфорд Е. С Белой армией в Сибири [Электронный ресурс]. URL: http://east-front.narod.ru/memo/latchford.htm	<i>Интернет-ресурсы (электронные ресурсы удаленного доступа)</i>
16. Арестова О.Н. Региональная специфика сообщества российских пользователей сети Интернет [Электронный ресурс]. URL: http://www.relarn.ru:8082/conf/conf97/10.html	
17. Московский Кремль [Электронный ресурс]: трехмер. путеводитель. М.: Новый Диск, 2007.1 электрон.-опт. диск (CD-ROM).	<i>Материал на CD или DVD (электронный ресурс локального доступа)</i>

1	2
18. О введении надбавок за сложность, напряженность и высокое качество работы [Электронный ресурс]: указание Мин-ва соц. защиты Рос. Федерации от 14 июля 1992 г. № 1-49-У. Документ опубликован не был. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».	<i>Электронный ресурс ограниченной доступности</i>
19. <i>Graham, Robert J.</i> Creating an environment for succesful project. San-Francisco: Jossey-Bass, 1997.	<i>Книга на иностранном языке</i>

Статья может содержать подстрочные библиографические ссылки. Как подстрочные библиографические ссылки могут выступать авторские примечания и комментарии, а также ссылки на архивные источники, материалы коллекций и частных собраний. В отличие от внутритекстовых библиографических ссылок, приводимых в квадратных скобках, подстрочные ссылки делаются в компьютерном режиме: вставка-ссылка-сноска.

При необходимости текст статьи может иллюстрироваться рисунками (черно-белыми), таблицами и содержать формулы. Нумерация рисунков, таблиц и формул сквозная и обозначается арабскими цифрами. На все таблицы, рисунки и формулы в тексте обязательно наличие ссылок.

Рисунки (схемы, карты, снимки, фотографии) должны быть четкими, контрастными. Рисунки вставляются в текст с использованием программы Word в необходимом по смыслу месте с подрисуночными подписями (номер и заголовок рисунка), выровненными по центру.

При оформлении таблиц заголовки и подзаголовки граф указывают в единственном числе, размещают, как правило, параллельно строкам таблицы. При необходимости допускается перпендикулярное расположение заголовков граф. Таблицу в зависимости от ее размера помещают под текстом, в котором впервые дана ссылка на нее, или на следующей странице, а при необходимости в приложении к тексту.

«Постсоветский материк» – ежеквартальный общественно-политический научный журнал, учрежденный Автономной некоммерческой организацией «Институт диаспоры и интеграции» («Институт стран СНГ»). Основная задача издания – комплексный анализ процессов на постсоветском пространстве с точки зрения стратегических приоритетов Российской Федерации. В журнале также публикуются материалы о дальнем зарубежье, имеющие прямое или косвенное отношение к постсоветскому пространству. Перечень тематических разделов издания включает рубрики, предполагающие анализ внутривнутриполитических процессов, экономических, социальных и социокультурных проблем, сравнительного правоведения, межгосударственных отношений, вопросов безопасности и сотрудничества с учетом стратегических приоритетов РФ.

Журнал издается на русском языке и распространяется на территории Российской Федерации и в странах СНГ. Подписной индекс журнала в каталоге Пресса России 40622. Подписку также можно оформить на сайте: <http://www.akc.ru/itm/postsovetkiy-materik>

Авторы опубликованных материалов несут ответственность за подбор и точность приведенных фактов, цитат, экономико-статистических данных, собственных имен, географических названий и прочих сведений, а также за то, что в материалах не содержится заимствований, нарушающих чьи-либо авторские права, а также данных не подлежащих открытой публикации. Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов.

Редакция не ведет переписку с авторами. Рукописи не возвращаются. При перепечатке материалов ссылка на «Постсоветский материк» обязательна.

По вопросам получения контактных данных авторов, а также для приобретения журнала можно обращаться в редакцию. Журнал отпускается по себестоимости. Цена одного экземпляра составляет 400 рублей.

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС77-55141
выдано 26 августа 2013 года.

Возрастная категория: 0+

ПОСТСОВЕТСКИЙ МАТЕРИК

Научно-аналитический журнал

№ 3(19), 2018

Адрес редакции:

г. Москва, ул. Б. Полянка, дом 7/10, стр. 3.

Телефоны: 8 (926) 793-24-12; 8 (926) 376-43-16;
8 (926) 904-32-90

Подписано в печать 15.08.2018

Формат 70×100 $\frac{1}{16}$. Печать офсетная.

Тираж 500 экз. Заказ №

Отпечатано с готового оригинал-макета
в Информационно-издательском управлении МГОУ
105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10А,
(495) 780-09-42 (доб. 1740), iiu@mgou.ru

